

С.Ю. САПРЫКИН
S.Yu. SAPRYKIN

ЭЛЛИНИЗМ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ HELLENISM IN THE BLACK SEA LITTORAL

Греческие города-государства, основанные в Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации, оказали большое влияние на местные племена, населявшие обширные пространства этого региона. Отношения между ними установились довольно рано – варварское окружение было втянуто в торговые контакты, принимало участие в важнейших политических событиях, нередко между эллинами и варварами вспыхивали военные конфликты. Взаимоотношения эллинской и варварской цивилизаций на берегах Черного моря отличались рядом общих признаков и закономерностей. Задача данной статьи – это попытка понять, каким образом термин «эллинизм» подходит для причерноморских реалий и в чем его отличие от «эллинизации» и «варваризации» – двух главных особенностей социокультурной и политико-экономической жизни в причерноморской ойкумене в эпоху античности.

Термин «эллинизм» был введен И. Дройзеном, который понимал под ним установление эллинского господства на Востоке и распространение культуры среди негреческих народов в результате смешения греческих и восточных элементов при доминирующей роли эллинов. Это была прогрессивная тенденция в развитии античного общества, так как после завоеваний Александра Македонского на основе греческой культуры сложилось единство различных народов Восточного Средиземноморья и Передней Азии [Дройзен, 1890, т. 1, с. 228; т. 2, с. 265, 362, 384-385, т. 3, с. 321–328]. После И. Дройзена хронологические рамки эллинизма определяли от смерти Александра в 323 г. до н.э. и до 30 г. до н.э., когда птолемеевский Египет вошел в состав Римской империи. Важным вкладом И. Дройзена в разработку проблемы эллинизма было выведение на передний план политической истории и духовной культуры как основы для смешения цивилизаций Греции и Востока. Другой германский ученый Б. Нисе в основу изучения эллинистической истории положил исключительно политическую ее составляющую, считая монархическое правление в греко-македонском мире важнейшей чертой эллинизма как явления в мировой истории [Niese, 1893–1903]. По мнению В. Тарна, на протяжении трех столетий эллинизма греческая культура – язык койне, философия, наука, литература, государственная организация в виде полисов – распространилась далеко за пределы Эллады. Эллинизм, в его представлении, прошел две фазы развития – расцвет и упадок, когда Восток воспротивился распространению эллинской цивилизации, а Рим постепенно поглотил

греко-македонские царства и сам стал проводником греческой культуры на Востоке [Тарн, 1949, с. 20]. При культурологическом подходе к пониманию эллинизма на первое место выводят распространение культуры как основы греческой экспансии на Восток. Поэтому понятия «эллинская цивилизация» и «эллинизм» в представлениях его адептов нередко совпадали [Croiset, 1922, p. 47; 1932, p. 249; Roussel, 1928, p. 347]. При этом проникновение греческой культуры как основы эллинской цивилизации связывается с политической экспансией греков и монархическим правлением. «Эллинизм» и «эллинизация» считались тождественными понятиями, так как распространение греческой культуры на Востоке происходило при содействии эллинистических монархий [Grousset, 1921, 40–59]. Позднее посредником в культурном воздействии на варваров стали рассматривать греческие полисы, возникшие на Востоке после завоеваний Александра [Jouguet, 1937, p. 424–456; Номо, 1950, p. 291].

Другая группа исследователей воспринимала эллинизм как смешение культур, но на первое место ставила социально-экономические отношения. При этом экономика эллинизма, по их мнению, находилась в кризисе и упадке в отличие от культуры и политики [Toutain, 1928, p. 108–216; Cohen, 1934, p. 13]. Один из крупнейших сторонников такого подхода М.И. Ростовцев рассматривал эллинизм как явление социально-экономического порядка, находящегося в процессе развития «в мире, созданном завоеванием Востока Александром» и на более широкой территории, охватывавшей почти всю древнюю ойкумену, включая причерноморский регион [Rostovtzeff, 1941, vol. 1-3]. После его работ понятие «эллинизм» стало распространяться и на территории, не затронутые греко-македонским завоеванием [Petit, 1965, p. 8-30; Lévêque, 1969, p. 62–88]. На передний план выводились идеи о колониальной экспансии греков, слиянии господствующего слоя греко-македонцев и туземной аристократии, которая эксплуатировала земледельческое население. При этом эллинистическая цивилизация традиционно истолковывалась как культурно-исторический феномен [Bengtson, 1968; Пети, Ларонд, 2004, с. 45–140], основу которого составляли монархические институты, полисы, союзы полисов и т.п. [Heinen, 2003, s. 56–88].

Тем не менее социально-экономический подход к проблеме эллинизма приобретал все большую популярность. П. Бриан, развивая тезис об эллинизме как «колонизации» Востока греками, положил в его основу формы зависимости сельского населения от греко-македонян. По его мнению, это было продолжением той системы, которая сложилась на Востоке при персидском господстве [Briant, 1982, p. 230–262]. Постепенно исследователи, подходившие к изучению эллинизма как социально-экономическому явлению, наметили ряд его отличительных особенностей – наличие царской земельной собственности, сочетаемой с сохранением общинного землевладения и собственностью храмов, развитие урбанизации и возникновение полисов, владения которых были опосредованы верховной собственностью царя на землю, появление военно-земледельческих колоний-катоикий на царской земле [Ранович, 1947, с. 30–38; Launey, 1949, p. 3-5; Zawadzki, 1952/3, p. 83–96; Дьяконов, 1961, с. 166–168; Свенцицкая, 1963, с. 37–45; Bar-Kochva, 1976, p. 20–33; Kreissig,

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

1978, s. 46–104; 1983, s. 301–314; Cohen, 1978, 2–50; Кошеленко, 1979, с. 222–265]. Сложившаяся социально-экономическая структура породила соответствующую политическую форму власти – эллинистическую монархию, государство эллинистического типа с элементами македонского государственного управления и чертами восточной деспотии.

В отечественной историографии всеобъемлющая характеристика эллинизма дана в работах К.К. Зельина. Она сводится к следующему: эллинизм – это конкретно-историческое явление, этап в развитии античного общества, для которого характерно «взаимодействие эллинских и местных начал (главным образом, восточных) в области экономического строя, социальных и политических отношений в идеологии и культуре... Социально-экономическое содержание периода эллинизма является результатом развития не только греческого общества, но и развития многих, преимущественно восточных стран древности» [Зельин, 1955, с. 99–108; 1955а, с. 145–156; Кошеленко, 1990, с. 12]. Образование эллинистических государств стало возможным в результате греко-македонского завоевания Востока. Поэтому эллинизм как этап в развитии античного общества характерен главным образом для Востока после распада державы Александра Македонского [Дройзен, 1890–1893; Тарн, 1949, с. 23 сл.; Ранович, 1950, с.10 сл.; Will, 1966-1967]. Если исходить из такого определения, то эллинизм, по нашему мнению, следует рассматривать как социально-экономическое явление, связанное с развитием экономики. Только на экономической основе создавались предпосылки для широкого взаимодействия и взаимовлияния греческих и восточных (варварских, туземных) элементов в области социально-политических отношений, культуры, идеологии, государственного строительства. В рамках эллинизма как конкретно-исторического явления более широкую форму получила «эллинизация», хотя напрямую она с эллинизмом не связана – это элемент культуры, свойственный различным эпохам [Will, Mossé, Goukowsky, 1975, p. 337–341]. Однако поскольку эллинизм характеризуется взаимовлиянием местного и эллинского от экономики и политики до культуры [Розовский, 1994, с. 22–28; Фролов, 1982, с. 3], то культурологическая его сторона подразумевает процесс, развивавшийся в двух направлениях – от греков к варварам, т.е. эллинизацию, и от варваров к грекам, т.е. варваризацию. Весь вопрос в том, в какую эпоху и в какой мере оба эти процесса были наиболее активными.

Большинство концепций дает определение эллинистической цивилизации как сложившейся в результате греко-македонского завоевания Востока. Однако эллинизм не ограничивался Передним Востоком и Средней Азией. Причерноморский регион, не затронутый завоеваниями Александра Македонского, также развивался в эпоху эллинизма. Эллинистический период там имел ряд особенностей и отличался определенным своеобразием, а в некоторых чертах приобрел совершенно иной характер, нежели в Восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке.

В отечественной историографии проблема взаимовлияния греческой и варварской культур в Северном Причерноморье ставилась довольно активно. По мнению

М.И. Ростовцева, взаимодействие эллинских, скифских, синдо-меотских и сарматских традиций привело к тому, что в крупнейших государствах этого региона – на Боспоре, в Ольвии, Херсонесе греческий образ жизни подвергался значительному варварскому (иранскому) влиянию. Греки рано наладили отношения со скифами, в результате часть скифской аристократии приобщилась к греческим обычаям и даже выбирала греческие полисы для проживания. С приходом в III в. до н.э. сарматов взаимодействие эллинских и иранских традиций активизировалось еще сильнее [Ростовцев, 1918, с. 33–121; Rostovtzeff, 1922, p. 61 ff.]. С.А. Жебелев, опираясь на предложенную Ростовцевым концепцию, пришел к выводу, что активное взаимодействие греческого и туземного населения на Боспоре превратило его в типичное греко-скифское, а затем греко-сарматское государство. По его мнению, элементы эллинистической государственности сложились в начале IV в. до н.э. при Спартокидах, что поставило его в один ряд с эллинистическими царствами Пергамом, Вифинией, Каппадокией, Арменией, Понтом [Жебелев, 1953, с.158]. Эти положения в дальнейшем разрабатывались советскими исследователями. Одна их группа отстаивала идею о сильном воздействии греков на скифов и сарматов [Хазанов, Шкурко, 1978, с. 72–80], другая, преуменьшая греческое влияние на местные племена, выдвигала тезис, что скифы, синды, меоты и сарматы играли ведущую роль в материальной и духовной культуре античных государств Северного Причерноморья, главным образом, в Боспорском царстве. По мнению сторонников этого направления, религия, культы, погребальный обряд, идеология и духовная культура испытывали сильное воздействие местного населения, что ярчайшим образом проявилось на примере отдельных памятников культуры и искусства [Гайдукевич, Капошина, 1951, с.162–187; Иванова, 1951, с.188–203; Книпович, 1955, с.178–187].

Споры среди исследователей концентрировались преимущественно вокруг эллинизации и варваризации античных северочерноморских государств, при этом социально-экономические и социально-политические отношения рассматривались со второстепенных позиций. Поэтому на повестку дня встал вопрос, каким образом эти проблемы эллинизма могут сочетаться с процессами эллинизации и варваризации. Для ответа на него В. Д. Блаватский выдвинул так называемую концепцию «протоэллинизма». Согласно ее положениям, к началу IV в. до н.э. античные центры на Боспоре и отчасти в других регионах Причерноморья переросли полисные рамки и превратились в большие территориальные государства, напоминавшие эллинистические царства. Основу этого процесса составляло тесное взаимодействие эллинского образа жизни, форм и институтов власти с общинными традициями варваров, в результате чего греческая верхушка полисов начала сливаться с местной знатью. Это усиливало эллинизацию и содействовало проникновению эллинской культуры в варварскую среду. Благодаря взаимному влиянию греческих и местных традиций в экономике, политике, культуре, т.е. более чем за полвека до периода, который мы называем эллинистическим, в Северном Причерноморье сложились предпосылки для образования настоящих эллинистических государств, а кое-где, как на Боспоре, та-

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

кие государства появились и активно функционировали [Блаватский, 1985, с. 95–132; Сокольский, 1955, с. 199–204; 1961, с. 123–136; Сокольский, Шелов, 1959, с. 61]. Легко убедиться, что основные постулаты данной концепции перекликаются с предложением М.И. Ростовцева и С.А. Жебелева считать античные государства в Северном Причерноморье греко-варварскими.

Протоэллинизм на Боспоре иногда сближают с Карией и другими малоазийскими государственными образованиями под властью местных династий. Однако правление Мавсола в Галикарнассе являлось по сути тиранией, а другие мелкие малоазийские династии имели мало общего с греко-македонскими монархиями и Боспором, так как полисные структуры до времени Александра и диадохов у них практически отсутствовали. Что касается Пергама, где эллинистическая государственность сложилась на основе одного полиса, то это происходило в условиях господства в Передней Азии греко-македонян и сохранения местных анатолийских традиций, ранее подкрепленных персидским воздействием. Противоречия в аргументации сторонников концепции протоэллинизма побудили Э.Д. Фролова предложить замену понятия «протоэллинизм» на «предэллинизм». Сравнивая процессы социально-экономического и социально-политического развития античных центров Причерноморья и Сицилийской державы Дионисия Старшего и Дионисия Младшего, он сделал вывод, что в этих государствах имел место переход «от ограниченного узкими рамками города и ближайшей сельской округи автономного полиса к государству державно-территориального типа». Эти государства сохраняли полисную основу, но включали обширные анклавные территории местного населения, что делало их близкими эллинистическим монархиям. Для них было свойственно сосуществование полисов и монархической формы правления, что являлось характерной чертой эллинистических царств [Фролов, 1982а, с. 93–96; 1996, с. 56–58; Высокий, 1996, с. 136]. Опираясь на эти положения, некоторые исследователи называют полисные центры типа Ольвии и Херсонеса периода расцвета в IV – первой половине III вв. до н.э. «территориальными» образованиями, которые перешагнули полисные рамки и перешли в разряд государств, контролировавших обширную округу, населенную и обрабатываемую варварами. Это возвело их в разряд государств эллинистического типа, не потому что в их рамках происходило смешение культуры греков и варваров, а вследствие включения полисов в эллинистические монархии в качестве их составной части [Зубарь, Сон, 2007, с. 116]. Налицо новая путаница и подмена понятий. С одной стороны, сочетание греческой и варварской культур в рамках полиса и хоры действительно не может доказывать их превращение в эллинистические государства, поэтому точнее будет констатировать, что полисы просто существовали в эпоху эллинизма. С другой стороны, включение причерноморских полисов в состав эллинистических монархий не могло иметь место в IV – III вв. до н.э., так как это произошло позднее. Следовательно, они никак не могли превратиться в государства эллинистического типа.

Концепция «предэллинизма», но под несколько иным углом зрения, активно от-

стаивается в работах И.Е. Сурикова. По его мнению, данный термин отражает изменение психологического климата в греческих полисах, которые не были затронуты греко-македонским завоеванием и, в отличие от государств Востока, не подверглись греко-варварскому синтезу. Он считает, что предэллинизм на Востоке вряд ли возможен, он зародился на Западе, поскольку в эллинских государствах полисного типа, прежде гордившихся понятием «гражданин», усилились тенденции восхвалять и даже почитать носителей единоличной власти, включая боспорских тиранов Спартокидов. Предэллинизм – это социально-психологический феномен на определенном этапе исторического развития полиса, когда среди бывших граждан нарождается новая мораль почитать монарха и считать себя его подданными [Суриков, 2015, с. 19 сл.; 2016, с. 64 сл.].

Предлагаемый подход правомерен как социологический, скорее даже как морально-психологический, в рамках общей хронологии (т.е. это время, предшествующее эллинизму), но совершенно неправомерен для объяснения понятия «эллинизм» и «(прото-), или предэллинизм» как конкретно-исторического явления, в основе которого лежали социально-экономические и политические отношения. Изменение социальной психологии греков в IV в. до н.э. в сторону почитания правителей-единодержцев вызвано кризисными явлениями в полисе и никак не определяет сущности понятия «предэллинизм». Социальная психология – плоть от плоти социально-экономических отношений, которые в Греции и на Боспоре оставались полисными. Что до понятий «эллинистическая Македония» и «эллинистическая Греция», где сохранялись полисные традиции и не было никакого синтеза греческого и восточного (варварского) начал, то здесь картина сложнее. В Македонии формирование царской земельной собственности как основы эллинистических социально-экономических отношений началось со времени Филиппа II и продолжалось при Александре и диадохах. В декретах из Кассандрии в Македонии говорится о предоставлении царями македонцев Кассандром и Лисимахом земли в наследственное владение на территории подвластных им городов, при этом в ряде случаев на основании того, что земля была ранее дана еще Филиппом II [Syll.³, 332; Dareste, Haussoullier, Reinach, 1898, p. 136, 137; J. et L. Robert, 1967, p. 651; Hatzopoulos, 1988, p. 17-36]. В царском декрете Александра, принятом в ответ на посольство от города Филиппы, говорится, что жители этого города могут обрабатывать принадлежавшую им неводеланную землю, как это было установлено при Филиппе II, и должны платить дополнительный налог, а фракийцам, проживавшим на хоре Филипп или по соседству, также разрешалось обрабатывать землю и пользоваться урожаем, что было решено еще Филиппом II; при этом устанавливались границы владений землей Филиппами и фракийцами, о чем также распорядился Филипп II [SEG 1984. 34. 664; Missitzis, 1985, p. 3–14]. Землю могли давать или дарить и крупные вельможи, получившие ее от царей, в частности от Александра [Syll.³, 302; Guarducci, 1974, p. 310–312]. Это свидетельствует о царском землевладении в Македонии, когда полисные формы земельной собственности соседствовали с новыми эллинистическими традициями, которые вызревали

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

на местной почве и испытывали определенное влияние Востока после создания империи Александра и государств диадохов. Греческие полисы Балканской Греции признали господство Македонии, признавали власть македонских царей и их ставленников, приняли у себя македонские гарнизоны и превратились в арену междоусобной борьбы диадохов за власть. Полисная Эллада, сохраняя традиционный уклад, по сути стала частью Македонской монархии, так что термин «эллинистическая Греция» является своеобразным дополнением к понятию «эллинистическая Македония».

Теория протоэллинизма (=предэллинизма) получила убедительную долю критики. Ее противники утверждают, что ситуация на Боспоре в первой половине – последней четверти IV в. до н.э. являлась проявлением его развития в конкретно-исторических условиях и не подпадала под понятие «эллинизм». Боспор развивался не как монархия, а как государство, основу которого составляли эллинские полисы и полисные традиции. В V в. до н.э. во главе Боспора встали тираны, ограничившие автономию полисов. В результате греческая часть жителей перестала быть их опорой, поэтому началось мирное присоединение варварской периферии. Вследствие этого греки и варвары оказались в равном положении как подданные тиранов [Шелов-Коведяев, 1985, с. 182–186; 1985а, с. 320–333]. Критика основных положений концепции протоэллинизма была продолжена в работах последующих исследователей [Завойкин, 2001, с.158 сл.; 2007, с. 219–243; Габелко, 2009, с.174].

Аргументы противников концепции протоэллинизма (предэллинизма) в целом справедливы, но не совсем точны в важных деталях. Вызывает закономерное недоумение утверждение, что греческие причерноморские полисы, особенно Боспорское государство IV–II вв. до н.э., являлись эллинистическими государственными образованиями территориального типа. Нам уже не раз приходилось указывать, что методологически совершенно неправомочно оперировать термином «территориальное государство» ни в «полисном» ни в «монархическом» смысле, ибо никогда и нигде не бывает внетерриториальных государств – любое государство всегда подразумевает определенную территорию, иначе его просто не будет [Сапрыкин, 2003, с. 25, прим. 56]. Крайне спорен тезис, будто в результате установления тирании Спартокиды лишились поддержки греческой части населения Боспора, переставшей быть их социальной опорой. Это способствовало расширению их господства на варварской периферии и привело к равноправию греков и местного населения в рамках социально-политической структуры Боспорского государства. Против этого свидетельствует тот факт, что греческая тирания в своей политике против знати всегда опиралась на средние слои горожан, мелких и средних землевладельцев, малоимущих граждан [Forrest, 1966, s.182–190]. На спартокидовском Боспоре расцвет торговли и ремесленного производства был невозможен без поддержки тирании Спартокидов со стороны ремесленников, торговцев, средних слоев, равно как и граждан, владевших земельной собственностью. В одной из стратегем Полиена говорится о гражданах, поддержавших денежную реформу Левкона II, так как они не

потеряли доходы. Другая стратегема о Левконе I свидетельствует, что после подавления заговора против него торгово-ремесленные круги вернули занятые у них деньги и стали надежной опорой этого правителя [Polyaen VI. 9.1-2].

Вопрос о равноправии греков и варваров на Боспоре также спорен. Боспорские правители вступали либо в союзные отношения с соседними варварами, либо подчиняли их земли [Diod. XX. 22] – последнее уже подразумевает неравноправие боспорских греков и варваров. После победы над братьями за престол Евмел собрал на экклесию (народное собрание) граждан – политов Пантикапея и восстановил прежний образ правления, т.е. расширил права гражданской общины Пантикапея, урезанные тиранами, оставил за ними беспощинность в торговле [Diod. XX. 24]. Диодор и его источник подразумевают исключительно эллинов – граждан Пантикапея, так как упоминаются предки жителей города, а о варварах в составе гражданской общины Пантикапея речи не идет. В другом сообщении Диодора говорится, что правивший до Евмела брат его Сатир никому из своих подданных – ни рабу, ни свободному – не позволял иметь такое имя [Diod. XX. 26]. В этом случае «свободные», явно эллины, противопоставляются «рабам», среди которых могли быть и негреки. В самом титуле боспорских тиранов – «архонты Боспора и Феодосии, царствующие над синдами, меотами, торетами, пессаами, дарданами и т.д.» [КБН 6, 6а, 8, 1037, 1038, 1111]¹ – заложено противопоставление форм правления городами-полисами и варварской периферией. Это может означать, что в спартокидовском государстве, особенно в эллинских полисах, равноправия греков и варваров не было.

Сицилийскую державу Дионисия и Гераклею Понтийскую в эпоху тирании действительно иногда считают воплощением протоэллинистических традиций, ссылаясь на установление режима личной власти и включение в их состав обширных анклавов местных племен. При этом отношения, сложившиеся в этих государствах, переносят на Боспор [Виноградов, 1983, с. 413сл.; Фролов, 1996, с. 54–56]. Однако на самом деле Гераклея и Сиракузы – это полисные государства с обширной хорой, населенной зависимым и полузависимым земледельческим населением. Мариандины, сельскохозяйственное население хоры Гераклеи Понтийской, платили форос в виде части урожая всей ее гражданской общине. Они были завоеваны гераклеотами и потому были принуждены возделывать принадлежавшие им аграрные угодья, являвшиеся частью полисной хоры [Garlan, 1982, p. 117; Сапрыкин, 1986, с. 32–34]. Сельскохозяйственное население хоры греческих полисов – паройки, ойкеты, георги, пенесты (Фессалия), клароты (Крит), илоты (Спарта) и т.п. – вне зависимости от степени его закабаления коллективом граждан и характера отношений с полисным коллективом являлось частью полисной структуры, ибо собственность на землю –

¹ Наречение Левкона I сначала просто пантикапейцем [КБН 37], затем архонтом Боспора и Феодосии [КБН 111], а впоследствии полным титулом с указанием на царствование над синдо-меотскими племенами демонстрирует изначально заложенное противопоставление в системе управления греческими городами и их хорой и прикубанскими племенными территориями.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

основа экономики любого города-государства, оставалась полисной [Lotze, 1959, 77; Нейхардт, 1968, с. 143; Фролов, 1981, с. 27–30]. Коллективное землевладение в рамках полиса, подпитывавшее его гражданский коллектив, опосредовало индивидуальную собственность каждого гражданина полиса, составляя имущественный ценз для вовлечения его в коллектив граждан и стимулируя к гражданско-политической активности на его же благо. Расцвет Гераклеи Понтийской как полисного государства пришелся на конец V – вторую половину III вв. до н.э., когда ее хора достигла наибольшей протяженности. Установившаяся в Гераклее тирания стала результатом развития полисных отношений, поэтому в социально-политическом плане это было конкретно-историческим явлением полисного характера. Принятие тиранами Гераклеи царской титулатуры в 306 г. до н.э. не изменило сущности их тиранического режима [Birstein, 1976, 50-56; Сапрыкин, 1986, с. 101–123; Bittner, 1998, s. 60suiv.]. Власть – явление надстроечное, базирующееся на социально-экономических отношениях, которые в государствах типа Гераклеи Понтийской всегда оставались полисными. Поэтому какой бы титул тираны ни приняли, их власть все равно останется тиранической. Гераклею Понтийскую, соседнюю Синопу, Херсонес Таврический, Ольвию или какой-либо другой причерноморский полис с обширной сельской округой, полузависимым, зависимым или вообще свободным местным населением нельзя относить к государствам эллинистического типа, так как их социально-экономическая и политическая структура оставалась полисной. Она определялась полисной формой собственности на землю, когда индивидуально-семейная собственность гражданина была опосредована коллективной собственностью полиса даже в условиях тиранического правления. При этом полисная форма собственности опосредовала общинно-племенную собственность варваров, проживавших на хоре полиса. Тиран мог иметь обширные земельные участки, распоряжаться доходами от урожая и коммерческой деятельности, но это была его собственность в рамках полисной структуры, обусловленная его главенствующим положением в полисной государственно-правовой иерархии. В сообщении Плутарха о свержении ок. 437 г. до н.э. в Синопе тирании Тимесилея говорится, что афиняне вывели туда клерухию, жители которой вместе с гражданами Синопы поделили дома и землю, прежде занимаемую тиранами [Plut. Per. XX. 1-2]. Это свидетельство недвусмысленно показывает, что недвижимость синопских тиранов находилась в их собственности, точнее, в их владении, но была опосредована собственностью коллектива гражданской общины полиса. Иначе граждане Синопы и афинские клерухи не получили бы возможности разделить это имущество между собой [Сапрыкин, 1984, с. 93].

Тиран не был и не мог быть верховным собственником земли, так как в противном случае его власть перерастала полисные рамки. Тирания же всегда зарождалась, действовала и свержалась исключительно в полисах, даже если тиран завоевывал и присоединял соседние территории [Berve, 1967, s. 315–323]. Эти территории попадали под власть полиса, которую олицетворяла тирания. Общинная собственность варваров, обитавших на хоре в деревнях – комах или аграх, даже индивидуальная

собственность отдельной семьи в рамках этих общин все равно подчинялась полису, ибо полисный коллектив владел всей землей в городе-государстве (полисе), что вынуждало варварские анклавные посылать часть урожая полисным властям, действовавшим от имени всей греческой гражданской общины [Lepore, 1973, p. 21–31].

Туземное население, проживавшее в полисе и на хоре, в разной степени испытывало воздействие эллинской культуры. Этот процесс называется эллинизацией, осуществляемой полисом, а не эллинистическим государством монархического типа. В отличие от тирании в греческих полисах в государствах эпохи эллинизма обретение царского титула напрямую связано с царским землевладением. Эллинизация в таких государствах проводилась путем вовлечения местных общин и племен в структуру царского землевладения, независимо от того, были они приписаны к полисам, храмам или царским вельможам. Царь на Востоке – верховный собственник земли, поэтому царская юрисдикция распространялась на все эти категории населения и институты. Правители эпохи эллинизма становились абсолютными монархами вследствие завоеваний, дарений и даже завещаний со стороны других царей или племенных вождей, что давало наследственные права на владения и власть [Тарн, 1949, с. 133]. Греко-македоняне сохранили на Востоке систему царского землевладения, которая распространялась на основанные ими военные колонии – катойкии и полисы [Finley, 1973, p. 70; Кошеленко, 1979, с. 229–231; Kreissig, 1983, p. 313]. Их обитатели сохраняли эллинские традиции, поэтому местное население на царских (и общинных) землях приобщалось к греческому языку, культуре, образованности, науке, т.е. подвергалось эллинизации в более широком масштабе. «Варваризация» и «эллинизация» – это понятия этнокультурные, которые в конкретные исторические эпохи зависели от социально-экономических, политических, культурных, идеологических, духовных и социально-психологических традиций. Они свойственны полисам до эллинизма, они же вписались в новые отношения, сложившиеся в эллинистический период. Как правило, это результат урбанизации, т.е. создания городов с полисной структурой на территории расселения варварских племен².

Выше говорилось, что эллинизм как конкретно-историческое явление имеет несколько основных признаков. При характеристике государства как эллинистического надо исходить из того, что эллинизм – это этап развития, а не этап кризиса античного общества. При эллинизме эллинские и местные традиции тесно переплетались в экономике, социальном и политическом строе, идеологии и культуре, на их основе формировалась царская земельная собственность. При этом общинное землевладение и собственность храмов сохранялись, возникали военно-хозяйственные поселения-катойкии на царской земле, старые полисы развивались параллельно с созданием новых и все они подчинялись царю – верховному собственнику земли в государстве. В политической сфере установилась монархическая форма правления

² Эллинизация местного населения активно осуществлялась в результате приписывания общинной земли греко-македонским колониям и полисам [Bikerman, 1938, p. 84; Cohen, 1978, p. 27].

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

как следствие существования царской земельной собственности, а в культурно-идеологической области господствовало право царя на власть над подданными, которое обосновывалось религиозной политикой династии и жречества [Billows, 1995, p. 136-138; Schuler, 1998, s. 171]. Все эти явления содействовали выходу античного общества Древней Греции из тупика, который был вызван кризисом полисных отношений. Если на Боспоре, где, по мнению некоторых исследователей, уже в первой половине–середине IV в. до н.э. было создано государство эллинистического типа, то в означенное время черты эллинизма должны были бы отчетливо там проявляться. Однако на спартокидовском Боспоре картина была совершенно иная.

В V – II вв. до н.э. Боспор представлял собой государство полисного типа, сформировавшееся при тирании Спартокидов, пришедших к власти в Пантикапее после свержения олигархии Археанактидов. Благодаря подчинению соседних эллинских городов Спартокидам удалось создать союз – симмахию полисов во главе с Пантикапеем [Колобова, 1953, с. 56–59; Сапрыкин, 2003, с. 24–26; Завойкин, 2013, с. 407–414]. В его рамках хора греческих полисов, особенно Пантикапея, расширилась, в нее началось вкрапление варварских анклавов. Помимо Пантикапея, этот процесс коснулся Фанагории, Нимфея, Гермонассы, чуть позднее Феодосии и даже так называемых «малых» городов Боспора [Масленников, 1996, с. 66; 1998, с. 46–66; 2004, с.5 сл.; 2007, с. 206; Сапрыкин, 2006, с.190–198]. Распространение власти Спартокидов на прикубанские племена, когда пантикапейские тираны – архонты стали называть себя «царями» синдо-меотов, не изменило сущности их правления как полисного, тиранического, так как эти племена были поставлены в коллективную зависимость от «Боспора» – союза полисных общин, возглавляемых тиранами Пантикапея. На Боспоре в тот период не было предпосылок для формирования эллинистических отношений, свойственных государствам эпохи эллинизма. Политика Спартокидов была направлена на укрепление союза полисных государств, основу которого составляла полисная форма собственности на землю каждого из его членов. Полисная основа правления Спартокидов нашла отражение в их титулатуре – «архонты Боспора и Феодосии». Архонтат Боспора и Феодосии – это не общее обозначение власти, а отражение ее характера как архонтской³, что подчеркивается названием территории, на которую она распространяется. Топоним «Боспор» относится к полисам, вошедшим в симмахию городов-государств по берегам пролива Боспор Киммерийский и обладавшим хорой [Сапрыкин, 2003, с. 27, 28; Завойкин, 2013, с. 417-433]. При этом Пантикапей, где зародилась боспорская тирания, имел наиболее протяженную аграрную округу в Восточном Крыму.

Подъем экономики и торговли в V – первой четверти III вв. до н.э. притягивал к Пантикапею скифское население, а на Азиатском Боспоре – синдо-меотов, издревле поддерживавших отношения с Фанагорией, Гермонассой, Кепами и особенно с

³ На это указывает архонтский титул боспорских правителей Гиgienонта и Асандра на их монетах в более позднее время [Анохин, 1986, с. 142, № 148–150; с. 146, 147, № 221–225].

Синдской Гаванью, впоследствии получившей название Горгиппия. Туземная знать была заинтересована в продукции греческих ремесленников, предметах торевтики и ювелирного дела, распределении доходов от торговли зерном, которое поступало в города от оседлого земледельческого населения. Это толкало местное население, очевидно, скифское, к оседлости на хоре полисов [Яковенко, 1970, с. 413; Ольховский, Храпунов, 1990, с. 46–51; Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 191], особенно Пантикапея, и превращало его в земледельческое, проживавшее в деревнях-комах и платившее форос в виде урожая зерновых тому же Пантикапею, а конкретнее – тиранам Спартокидам [Кругликова, 1975, с. 53–58; Масленников, 1998, с. 76–88; 2007, с. 206]. На Азиатском Боспоре этот процесс протекал быстрее, ибо синдо-меотское население было оседлым и установило отношения с греками с раннего времени [Завойкин, 2013а, с. 164–169]. Знатная верхушка скифских племен все чаще выбирала греческие города для своего пребывания, что подтверждается курганными погребениями в окрестностях крупнейших полисов [Храпунов, 1995, с. 40–44; Виноградов, 2001, с. 83]. Включение в Боспорское государство варварской периферии и появление варварского населения на полисной хоре не меняли характер земельных отношений. Фактически на Боспоре местное население втягивалось в полисную структуру социально-экономических и политических отношений, как это происходило в Гераклея Понтийской, Синопе, Амисе, Истрии, Каллатисе, Херсонесе Таврическом, Ольвии и др. Там не было царской земельной собственности, полисы пользовались автономией (на Боспоре, правда, она была лимитирована почти неограниченной властью пантикапейских тиранов), владели хорой с более мелкими подчиненными им городами со своей аграрной округой, а также зависимым или полузависимым аграрным населением варварского или смешанного типа. Господство над подвластной территорией поддерживалось с помощью полисных наместников-магистратов, например, гармостов в Синопе [Xen. Anab. V. 5. 19; Максимова, 1956, с. 76] и эпимелетов на Боспоре [Isocr. Tigr. 3; Polyae. VI. 9. 3], а также созданием коллективных усадеб и укрепленных поселений вроде клерухий на полисной, а не на царской земле. На основе полисной системы осуществлялась эллинизация местного населения, в меньшей степени варваризация греков в городах и на хоре. Поэтому причерноморские государства V – первой половины III вв. до н. э. не имеют ничего общего с монархиями эллинистического Востока и сравнивать их неправомерно.

Протоэллинизм, или предэллинизм в Причерноморье не имеет исторической конкретики. Основой социально-экономического развития античных государств там выступали полисные отношения. К Боспору он вообще не относится, так как не отражает превращение союза боспорских полисов в государство, структурно напоминавшее эллинистические царства Переднего Востока. Прото- или предэллинизм условно можно рассматривать как временной отрезок и отчасти как явление социально-психологического порядка. В разных регионах он проявлялся по-разному, но всегда вне социально-экономического контекста, свойственного «эллинизму» как конкретно-историческому явлению. Понятие «предэллинизм» больше подходит

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

для отрезка времени, предшествовавшего эллинистическому периоду в Балканской Греции и частично в Малой Азии, где уже после окончания Пелопонесской войны начинают проявляться элементы кризиса полисной системы. В Причерноморье, напротив, этот период характеризуется подъемом экономики, основанной на укреплении полисных отношений.

К началу III в. до н.э. Пантикапей обладал «ближней» и «дальней» хорой, где оседлые скифские земледельцы-комиты возделывали зерновые. Собственную хору сохраняли Нимфей, Фанагория, Феодосия. На монетном рынке Боспора господствовал чекан Пантикапея и его тиранов, называвших себя царями, поскольку доходы от торговли зерном стекались в столицу Боспора. Однако наступивший в начале III в. до н.э. экономический кризис, вызванный давлением сарматов и переселением сатархов, привел к перераспределению земельного фонда, но полисные формы землевладения сохранялись. На хоре Пантикапея и других городов появились укрепленные поселения и крепости, призванные обеспечить более жесткий контроль за сельской периферией. Крупные укрепленные поселения III-II вв. до н.э. являлись центрами округов, куда свозили продукцию с окрестных земель, которые находились под их контролем. Часть скифского земледельческого населения покинула Восточный Крым или переселилась в укрепленные поселения по побережью [Масленников, 1989, с. 66–78; 1998, с. 89; 2007, с. 206–208]. На Азиатском Боспоре структура землевладения полисного характера в виде сельских поселений и усадеб, сложившаяся в IV в. до н.э., в этот период существенно не изменилась [Гарбузов, Завойкин, 2014, с. 200–202]. В это время, точнее, с первой четверти III в. до н.э., на монетах и в надписях Спартокидов стали именовать царями. Это, однако, не меняло сущности их тиранической власти, которая по-прежнему опиралась на полисные социальные и экономические отношения. Принятие царского титула стало лишь данью политической моде по примеру других тиранических режимов, например, в Сиракузах и Гераклее Понтийской. Это повышало статус правителей и укрепляло их позиции в международных и внутренних делах, особенно когда появились новые эллинистические царства, властители которых в 308 г. до н.э. провозгласили себя царями [Сапрыкин, 2003, с. 28]. Полисные формы государственной власти не изменились и сохранялись на Боспоре до конца II в. до н.э., доказательством чего являются монеты архонта Гиgienонта [Молев, 1994, с. 9–14]. Попытки некоторых исследователей трактовать изменения в структуре хоры в Восточном Крыму как эволюцию земельных отношений от полисного землевладения к царской земельной собственности и объяснять это невозможностью контроля одним полисом – Пантикапеем – столь обширных земель и крупных поселений не представляются убедительными [Масленников, 2001, 181; 2007, с. 205; 2010–2015]⁴. В Древней Греции было два типа городов – города без территорий и города с обширной аграрной округой, экономика которых основывалась на сельском хозяйстве [Martin, 1973, p. 99]. К последнему типу,

⁴ Критику этих положений см. Saprykin, 2001, p. 654; 2006, p. 272–281; Соломатина, 2013, с. 218–222.

Боспорские исследования, вып. XXXV

безусловно, принадлежит Херсонес Таврический, на полисной хоре которого в III – первой половине II вв. до н.э. происходили процессы укрупнения городищ и усадеб [Saprykin, 1997, p. 193–203]. На дальней хоре Фасоса (Фасосская пирея) и Родоса (Родосская пирея) на материке, а также в Карию (Галикарнасс) и Ликию в эпоху эллинизма крупные городища и укрепления выступали оплотом власти полисных государств [Pimouguet, 1994, p. 243–271; Karlsson, 1994, p. 141–153; Konecny, 1994, p. 315–326; Marksteiner, 1994, p. 299–314; ср. ASM IX 1993, S. 53–96]. Поэтому, принимая во внимание господство Пантикапея в Восточном Крыму по крайней мере с V в. до н.э., можно с большой долей вероятности допустить, что реорганизация поселений и усадеб в Восточной Таврике в первой половине III в. до н.э. происходила на хоре этого крупнейшего полисного центра Боспора.

Усилившееся к концу II в. до н.э. давление сарматов на Боспорское государство, требование дани, упадок экономики и торговли, сокращение количества сельских поселений и усадеб, их массовое захирение и гибель вместе с резким снижением урожайности зерновых вызвали кризис полисных отношений. Аналогичные сложности переживали Херсонес Таврический и Ольвия, испытывавшие серьезные катаклизмы в социально-политической жизни, усиленные наступлением на их владения крымских скифов. На Боспоре это привело к ослаблению тиранической власти Спартокидов и политической нестабильности. Выходом из катастрофической ситуации стала добровольная передача власти Митридату Евпатору в 109–107 гг. до н.э. Перисадом V, что превратило Боспор (вместе с Колхидой, Пафлагонией, Малой Арменией, Каппадокией Понтийской) в наследственный домен понтийского царя, «усыновленного» последним Спартокидом. Уния с Боспором, присоединение Тиры, Ольвии и Херсонеса Таврического к Понтийскому царству дали толчок возрождению торговли, усилению межпонтийских связей, что ускорило преодоление экономического и политического кризиса [Сапрыкин, 1996, с. 132–151, 166–186].

В структуре Понтийского государства Боспор рассматривался как источник аграрной продукции и налогов, поставщик людских ресурсов для войска. В самом Понтийском государстве со времени его создания в начале III в. до н.э. существовала царская собственность на землю, унаследованная от Персидского царства Ахеменидов. Задачей его правителей было добиться расширения наследственных доменов в Анатолии и подчинить прибрежные эллинские полисы, чтобы получить доступ к причерноморской торговле для получения доходов от сбыта продукции, выращиваемой на их хоре и на плодородных равнинах Пафлагонии и Понтийской Каппадокии. Ко второй половине II в. до н.э. большинство греческих городов на Южном побережье Черного моря было включено в структуру Понтийского государства. Ко времени прихода к власти Митридата Евпатора и особенно в конце столетия началось укрупнение царского землевладения путем создания военно-хозяйственных поселений, превращения крупнейших катойкий в полисы и включения в состав царства греческих городов. Это усилило царское землевладение на обширной территории, объявленной родовой и наследственной вотчиной понтийских монархов. Для

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

установления господства в Малой Азии и на Черном море Митридату Евпатору было крайне необходимо объединить владения в Анатолии и в причерноморской зоне, чтобы поднять экономику – основу могущества Понтийской державы в предстоящих войнах с Римом.

Поначалу, как только Митридат расширил власть в Северном Причерноморье, он сохранил и в ряде случаев восстановил полисное землевладение, предоставив крупнейшим полисам некоторые права политики и автономии, которые не имели даже полисные центры в Каппадокии Понтийской и Пафлагонии. Херсонес, Ольвия, Пантикапей, Фанагория, Горгиппия сохранили органы полисного управления и право чеканить монету, в том числе из серебра, что было крайне необычно для Понта. Однако превращение Боспора в наследственный домен Митридата VI, который как бы наследовал власть благодаря усыновлению последним представителем династии Спартокидов (аналогичная практика использовалась в Пафлагонии, Колхиде и Малой Армении для включения их в состав Понтийского государства) и потому назначал туда в качестве наместников своих сыновей, изменило характер земельных отношений. В 80–75 гг. до н.э. полисные владения были ограничены и царь на правах верховного собственника земли и наследственного правителя приступил к укреплению царского землевладения для контроля над полисами, отношения с которыми ухудшились после поражения в Первой войне с Римом. Поскольку основное количество хлеба поступало в Понт с варварской периферии, царь ограничил посредничество городов в торговле зерном и пошел на прямые контакты с варварской верхушкой для усиления экономических и политических позиций. Одновременно он начал привлекать на службу варваров и наемников из других областей Понта, в результате чего некоторые города, например, Фанагория, были вынуждены включить их в состав гражданских коллективов [Vinogradov, Wörrle, 1992, S. 159-170]. В русле этой политики представители варварского окружения Боспора и даже выходцы из других областей, союзных Митридату, оседали на создаваемой царской хоре в качестве военно-хозяйственных поселенцев. Они осуществляли контроль за греческими городами с целью противодействовать их попыткам отпасть от Понта. Царское землевладение, укреплявшееся за счет строительства укреплений и фортов под надзором митридатовых наместников [Сапрыкин, Maslennikov, 1996, p. 1–14; Масленников, 2007, с. 211], должно было повысить рентабельность сельского хозяйства, вернуть Боспор в разряд ведущих производителей зерновых, упорядочить сбор налогов [Сапрыкин, 1996, с. 266–290; 1997, с. 200; 2003, с. 30; Сапрыкин, 2006, p. 281–283; 2004, p. 207]. Для строительства и функционирования царских укреплений привлекались новые группы варваров и воинов для охраны хоры, небольших аграрных владений городов и их границ. Вовлечение сарматов, сармато-меотов, скифов, дандариев и даже фракийцев в эти процессы способствовало эллинизации, усиливало царские воинские контингенты и ужесточало контроль правящей династии за всеми сферами жизни боспорских греков и варваров.

Опора на Херсонес, Ольвию, расширение на Боспоре царского землевладения,

Боспорские исследования, вып. XXXV

распространявшегося на греческие полисы, создание царских крепостей типа катойкий, градостроительство путем превращения некоторых из них в городские центры (Евпаторий в Крыму, Махара на Северном Кавказе), эллинизация варварских поселенцев на царской хоре – все это происходило в соответствии с основными признаками эллинизма [Сапрыкин, 2007, р. 309–317]. В результате со второй четверти I в. до н.э. Боспор стал развиваться по классическим канонам становления государств эллинистического мира. На смену тирании и полисному строю Спартокидов, не выдержавших кризиса полисных устоев, пришла новая структура власти [Виноградов Ю.Г., 1988, с. 16, 17; Сапрыкин, 2008, с. 229–234]. Она представляла собой наследственное правление в «родовом» царском домене, сформировавшемся на базе царского землевладения и провозглашения царя верховным собственником земли. Как следствие, на Боспоре прекратился полисный чекан, отныне сконцентрировавшийся в руках наместников [Frolova, Ireland, 2002, р. 11–31]. Хора Херсонеса и Ольвии резко сократилась, они приняли митридатовские гарнизоны, и их автономия была существенно ограничена [Сапрыкин, 1996, с. 166–186, 206–290; 1997, с. 190–204; 2008, с. 222; 2011, с. 568–574; 2013, 293–294; 2015, с. 109–119].

При митридатовском господстве Боспор ускоренными темпами превращался в эллинистическое государственное образование [Завойкин, 2009, с.233–236]. Отличительной чертой эллинистических государств после Александра являлось градостроительство – создание полисов греческого типа в условиях господства царского землевладения и царской хоры, населенной эллинизованными варварскими племенами. Аналогичная структура сложилась на Боспоре, за одним исключением – полисы там не надо было создавать заново, ибо они образовались задолго до Митридата Евпатора, но отныне подчинялись ему как верховному земельному собственнику, вследствие чего часть их владений отошла к царской и храмовой земле. В 60-е годы до н.э. Митридату, а затем в 50-е годы до н.э. его сыну Фарнаку потребовалось обложить повышенными налогами все население Боспора, поэтому полисы выступили против царской власти, что привело к почти полному ограничению их прав. Это в конце концов вызвало их восстание, что содействовало поражению и падению Митридата Евпатора и Фарнака [Gajdukevič, 1971, S. 318–323]. Во избежание этого и ради сохранения царского землевладения последующие боспорские цари, например Асандр, соблюдали баланс отношений между городами и царскими военно-хозяйственными поселенцами. Асандр титуловался сначала «архонтом Боспора», как некогда Спартокиды, демонстративно показывая, что соблюдает полисные традиции, хотя фактически управлял всем государством как его державный правитель. Затем он сделался царем, что позиционировало его как властителя Боспорского государства в целом, включая варварскую периферию [Сапрыкин, 2002, с. 55–90; Saprykin, 2000/2001, р. 91–102; Зубарь, Зинько, 2006, 143–145].

Однако римляне, опасаясь усиления митридатовских традиций, решили ликвидировать их путем присоединения Боспора к вассальным малоазийским царствам, в частности к Понту Полемонидов, где ранее было проведено перераспределение

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

родовых земельных владений митридатовской династии [Сапрыкин, 1996, с. 314–317; 2002, с. 115–118]. Это вызвало противодействие со стороны полисов и особенно эллинизованных варваров – поселенцев на царской хоре [Maslennikov, Treister, 1997, р. 5–14]. Поэтому преемники Асандра – Динамия и Аспург начали оказывать поддержку тем, кто отстаивал митридатовские принципы организации власти, являвшиеся по сути формами управления государством по типу эллинистических царств. Если ранее Спартокиды титуловались «архонтами Боспора и Феодосии и царями синдо-меотов», то Асандр и Динамия правили уже как полновластные царь и царица [КБН 30]. Аспург также получил титул царя как полновластный законный правитель [IOSPE I². 573; КБН 985; Блаватская, 1965, с. 36; Сапрыкин, 2002, с. 159; Кузнецов, 2006, с. 157], а затем стал титуловаться Великим царем, что дало ему возможность величаться «царствующим над всем Боспором и Феодосией и синдами и меотами и тарпитами и торетами и пессами и танаитами, подчинившим скифов и тавров» [КБН, 39, 40]. Это было полномасштабное монархическое правление по эллинистическому образцу. Поэтому преемники Аспурга с полным правом именовались царями или Великими царями, а не эфемерными царями на основе полисной тирании, как Спартокиды со времени Спартока III. Эта политическая сторона эллинистической цивилизации на Боспоре была объективным следствием расширения и углубления царского землевладения, что позволяло создавать новые катойкии и клерухии в виде укрепленных поселений по всей сельской периферии и усиливать контроль над полисами, которые все больше включались в структуру царского управления. Полисная власть была серьезно ограничена, поэтому цари и их наместники стремились больше ориентироваться на фиасы – союзы греков и эллинизованных варваров в городах, благодаря которым создавалась видимость свободы и культурных традиций греков [Завойкина, 2013, с. 52 сл.]. Римские власти поддерживали боспорских правителей в стремлении усиливать царское землевладение и эллинизацию варваров, так как это превращало Боспорское государство в истинно эллинистическое царство, которое могло стать мощным заслоном против кочевников и парфян [Панов, 2003, с. 119–121]. Боспор как вассал Римской империи сохранял государственность на основе социально-экономических отношений эллинизма с I в. до н.э. до первой половины III в. н.э. Только кризис III в. н.э. и вторжение готов прервали его развитие по пути эллинизма. После готских походов и усиления аланов Боспорское царство быстро варваризировалось, утрачивая равенство в балансе взаимоотношений между греками и варварами, которое поддерживалось с конца II в. до н.э. [Сапрыкин, 2003, с. 32–34; 2010, с. 126–128; Журавлев, Мокроусов, Сапрыкин, 2010, с. 167–192].

Таким образом, митридатовский и постмитридатовский периоды в истории Боспора, включая правление династии Тибериев-Юлиев, характеризуются развитием эллинизма. Боспорское государство, которое отныне называлось царством (термин чисто условный применительно к археанактидовскому и спартокидовскому времени), имело все черты классического эллинизма – взаимодействие и взаимовлияние

греческого и варварского элементов в экономической, политической, социальной и культурной жизни. Эллинизм на Боспоре развивался при содействии Римской империи, которая рассматривала его как сильное дружественное и вассальное государство. Феномен Боспора как античного греко-варварского государства заключался в том, что при Спартокидах оно было тираническим, полисным образованием, не являвшимся царством в полном смысле слова, а с I в. до н.э. развивалось как классическое эллинистическое царство.

Среди государств Причерноморья, которые по общим признакам эллинизма подходят под понятие эллинистических, нередко выделяют Фракию. Для понимания характера сложившихся там социально-экономических отношений, следует вернуться ко времени создания фракийской государственности. Возникшее во Фракии в V в. до н.э. Одрисское царство было непрочным. Оно напоминало союз племен во главе с наиболее сильным и влиятельным племенным кланом одрисов, выдвигавших своих правителей-вождей, которых греки по традиции именовали царями. От них номинально зависели мелкие племенные царьки и парадинасты, являвшиеся фактически самостоятельными правителями. Их взаимоотношения с одрисами строились на данничестве и взаимном подкупе. По требованию одрисского царя союзные и вассальные правители, а также наместники-парадинасты выставляли войска, за что получали долю военной добычи. Чем она была выше, тем чаще они подумывали о сепаратизме. Немало племен вообще не признавало господство одрисов и охотно поддерживало их противников. Одрисам не удалось создать централизованную монархию с прочной единоличной властью, их царство по большей части управлялось одновременно двумя-тремя властителями, что характеризует его как «троичное», т.е. как племенное объединение во главе с тремя главными племенными родами. На фракийских монетах конца V – начала III вв. до н.э. засвидетельствованы исключительно личные имена династов без титула, так как ни один из одрисских правителей не осмеливался официально принять царский титул [Yonkoukova, 1976, p. 66–81].

Подвластные одрисам племена и области выплачивали дань и постоянно посылали подношения, что обогащало фракийскую верхушку. Доходы знати строились на эксплуатации полузависимых и зависимых общинников, на изъятии излишков аграрной продукции. Большая часть урожая крестьян-общинников и изделия ремесленников попадали к местной аристократии и многочисленным греческим торговцам. По распоряжению одрисского царя подвластные ему наместники обязывали подданных выращивать пшеницу, которую доставляли в греческие прибрежные города для продажи, а доход от ее реализации поступал в царскую казну [Ps.-Arist. Oecon. 1251a..20.26]. Часть обедневших фракийцев оседала в городах, другие же нанимались в наемники к парадинастам и одрисским правителям, а также в другие государства, в частности на Боспор к Спартокидам. Рабовладение было примитивным, поскольку во фракийском обществе сохранялись сильные пережитки родового строя и племенных отношений. Основной социальной ячейкой оставалась фракийская община или деревня – кома [Златковская, 1971, с. 125–132]. В процессе развития торговли

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

и ремесла возникали поселения городского типа – последние исключительно для торговли с греками. Они либо попадали под власть греческих городов как часть их хоры, либо превращались в небольшие полисы (Бидзона, Акра, Тиридзис, Кипсела, Неонтейхос, поселение Янково в северо-восточной Фракии). Во внутренних районах возникали укрепления, которые имели цитадели – хорионы и мощные стены, так как служили резиденциями правителей и столицами небольших племенных территорий и округов. В стратегически важных укрепленных пунктах размещались гарнизоны царских войск, в том числе набранные из греков [Ps.Arist. Oecon. II 1351a. 27. 25–30].

Уже в V в. до н.э. фракийская элита подверглась эллинизации, что выражалось в распространении греческого языка, культуры, греческих культов, межэтнических браков фракийцев и греков. Не без влияния греков формировался и культ обожествленного правителя: одна из надписей на сосуде из Рогозенского клада «Котис, сын (или раб) Аполлона» означала, что Котис I находился под покровительством этого эллинского бога [Фол, Цветков, Машов, Иванов, 1988, с. 99]. Большая часть украшений, ювелирных изделий, керамики, бронзовой и драгоценной посуды, предметов вооружения, изготовленных греческими ремесленниками, попадала к фракийцам через греческие полисы, в частности Аполлонию Понтийскую и Месембрию. Во Фракии работали греческие архитекторы и художники, украшавшие погребальные склепы скульптурами и великолепными произведениями декоративной живописи (Казанлыкская гробница, Свештари и др.) [Danov, Ivanov, 1980, S. 25; Чичикова, Иванов, Енев, Кръстев, 1986, с. 1 сл.]. Об отношениях с греками и торговле подробно свидетельствует греческая надпись 359–342 гг. до н.э. из эллинского эмпория Пистирос (совр. Ветрен в районе г. Пловдив), который упоминается еще Геродотом (VII. 109).

В ней перечисляются обязательства неизвестного по имени фракийского правителя (вероятно, одрисского, м.б. Амадока или Керсеблепта) перед греческими городами Пистиросом, Маронеей, Аполлонией Понтийской и соседними эмпориями: все спорные дела между жителями эмпория передавались на рассмотрение их родственников, и только по необходимости взаимные претензии решались в присутствии фракийцев. Верховная власть давала гарантию не отменять долги, не лишать эмпоритов земли и пастбищ для скота, в связи с чем обещала не присылать «эпаулистов» («обитателей поселений, имений, дворов», вероятно, фракийцев–земледельцев и скотоводов). Запрещался обмен земельных участков–клеров жителями Пистироса и не допускалось делать это другим лицам. Она подтверждала обещание не захватывать владения эмпоритов ни представителями верховной власти, ни ее подданными. Правитель давал обязательство не вводить в Пистирос гарнизон и не поручать это делать другим, не облагать подорожной податью товары, которые ввозятся из Пистироса и других эмпориев в Маронею или из эмпориев и Маронеи в Пистирос. Однако торговые повозки эмпоритам предписывалось «открывать и закрывать, как и при Котисе». Давалось также обещание, что ни правитель, ни кто-либо из его людей не будет заключать в оковы, приговаривать к смерти, лишать имущества «ни при жизни ни после смерти» граждан Маронеи, Аполлонии Понтийской и Фасоса, про-

живающих в Пистироце [Avram, 1997/1998, p. 37–46; Domaradzka, 1999, p. 349–351; 2002, p. 339–342].

Из надписи следует, что греки-эмпориты во Фракии имели пахотную землю и выгоны, причем по решению царя не могли передавать их местным крестьянам-общинникам (по всей видимости, царь имел право давать земли эмпория фракийским крестьянам). В то же время правители, парадинасты и наместники нередко захватывали земли граждан греческих полисов, вмешивались во взаимные споры между эмпоритами по поводу недвижимости, вводили в города и укрепления гарнизоны воинов или наемников. По всей видимости, в IV в. до н.э. во Фракии племенная и родовая земельная собственность постепенно стала перерастать в некоторое подобие царской, что могло превратить правителя в верховного земельного собственника. Это сопровождалось захватом земель у крестьян-общинников и у некоторых греческих городов не только правителями, но и соправителями, парадинастами и наместниками. Однако в ряде случаев власть сохраняла собственность на землю у жителей греческих городов, так как была заинтересована в тесных связях с ними ради больших доходов от торговли эллинов и фракийцев. Взаимоотношения Одрисского царства и греческих полисов и эмпориев можно охарактеризовать как протекторат. Полисы сохраняли автономию, конституцию, земельные владения, торговые привилегии, их монетные дворы чеканили монеты от имени фракийских династов и царей и давали им денежные кредиты [Ps.-Arist. Oecon. II. 1351a. 27]. Греки были обязаны вносить подать в царскую казну деньгами и драгоценными изделиями, частично в виде торговых пошлин. Товарно-денежные отношения во Фракии в значительной степени стимулировались экономическими связями с греками, в том числе с причерноморскими полисами. Очевидно, большая часть торговых расходов перекладывалась на эллинские эмпории внутри страны и на прибрежные города.

Социально-экономические и политические отношения при господстве одрисов внешне напоминают условия, характерные для эллинистических государств [Delev, 1996, p. 139]. Однако эллинизм во Фракии к середине IV в. до н.э. вызревал на местной основе, без взаимодействия с восточными традициями, исключительно через превращение племенных отношений в раннегосударственные, когда царская собственность на землю только зарождалась, а власть не перешагнула племенные традиции. Никакой градостроительной политики и создания полисов не наблюдалось, власть царя (или племенного вождя) распространялась только на греческие эмпории, тогда как крупные полисы функционировали вне ее юрисдикции. Поэтому Фракийское царство V-IV вв. до н.э. не было эллинистическим, так как там не сложились социально-экономические и политические отношения, свойственные государствам эпохи эллинизма [Крыкин, 2002, с. 101–114; Высокий, 2003, с. 53–62; Габелко, 2009, с. 175].

В дальнейшем развитие эллинизма во Фракии замедлилось. Одной из главных причин было отсутствие долговременного македонского завоевания. Македонские правители стремились превратить фракийские земли в царский домен, основывали

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

города и военные колонии, но это не привело к созданию новой системы власти по эллинистическому образцу [Ellis, 1976, p. 87 сл.; Will, 1966, p. 220; Velkov, 1978]. Лисимах, получивший Фракию после раздела наследства Александра, основывал господство на подчинении местных племен, связанных с ним и его заместителями вассальными отношениями. Он создал систему клиентов – стратегов или гиппархов, которые после его смерти объявили себя самостоятельными правителями [Gattinoni, 1992, p. 102 сл.; Тачева, 1987, с. 13–27; Делев, 1992, с. 51–59]. Политика македонских царей была направлена на ослабление фракийцев [Liv. XXXIX. 35. 4] и закрепление отдельных районов Фракии в составе Македонского государства, для чего путем союзов с одними племенами ослаблялись другие племенные объединения.

В 331 г. до н.э. Одрисское государство обрело независимость и стало проводить антимакедонскую политику. С этой целью царь Севт III объединял вокруг себя полусамостоятельные племенные образования, вскоре превратившиеся в независимые домены [IGBulg III. 1731]. Это консервировало пережитки парадинастии, территориальное и племенное разделение страны, ослабляло царскую власть и препятствовало созданию централизованного государства эллинистического типа. При Севте III и его преемниках греческие полисы, например Месембрия и Аполлония Понтийская, выступали не как подданные, а как союзники фракийских династов и вождей, так как не входили в государство одрисов [IG II². 1. 349; IGBulg I². 307, 389]. Город Севтополь, который являлся резиденцией правителя еще в IV в. до н.э., при Севте III превратился в его столицу, но не в полисный центр. Позднее он служил местопребыванием парадинаста или гиппарха [Димитров, 1958, с. 697; 1984, с. 12; Тачева, 1987, с. 21]. Резиденциями местных правителей являлись Енос, Кипсела и Кабиле [Тачева, 1987, с. 21]. Последняя в III-II вв. до н.э. чеканила монеты со своей легендой, что свидетельствует о превращении в городской центр с признаками самоуправления полисного типа [Велков, 1982, с. 10].

Другая причина слабости государственности у фракийцев заключалась в том, что они позволили кельтам-галатам создать в юго-восточной Фракии свое государство Тила, которое предпринимало грабительские походы против греческих городов. Кельто-фракийская знать Тилы была достаточно эллинизована, но это не превращало государство в эллинистическое. Его основу составляли кельто-фракийские племенные союзы, собиравшие дань с местного населения и греческих полисов [Фол, 1975, с. 192; Домарадски, 1984, с. 83–88; Лазаров, 1996, с. 116–123]. В 213 г. до н.э. государство Тила пало и фракийцы перешли к сколачиванию временных племенных союзов для походов на Македонию. Это тормозило развитие государства, препятствовало формированию социально-экономических отношений, свойственных эллинизму, прежде всего градостроительной структуры, полисной системы, царского и полисного землевладения. Управление основывалось на данничестве и эксплуатации земледельцев-общинников. Власть племенных вождей опиралась на вассальные связи «династ – парадинаст», что было следствием традиционного троичного деления Фракии по племенному признаку [Dunant, Pouilloux, 1958, p. 6, 7, 44–50; Тачева,

1987, с. 117]. При Митридате Евпаторе влияние Понтийского царства во Фракии было незначительным, государственность оставалась слабой. Царь Понта поддерживал автономию греческих полисов причерноморского побережья [Молев, 1985, с. 285; Сапрыкин, 1994, с.14–33; 1996, с.151–160; McGing, 1986, p. 57, 58.], а с другой стороны, поощрял грабительские походы фракийских племен на Македонию и Грецию. Это углубляло раздробленность Фракии и препятствовало включению греческих полисов в домены фракийских династов.

В конце IV – начале III вв. до н. э. в северных районах Фракии, в Добрудже, дунайской дельте и междуречье Днестра и Дуная сложился гетский племенной союз во главе с Дромихетом. Его усиление было следствием агрессивной политики Лисимаха [Strabo VII. 3. 8; Paus. I. 9. 6; Plut. Dem. 29 (52); Memn. V; Diod. XXI. 11. 12; Polyb. Fr. 16; Piiescu, 1990, p. 106]. Эллинизация затронула только узкую прослойку местной знати, а рядовое население не воспринимало греческую культуру [Preda, 1973, p. 441–457; Donoiu, 1980, p. 5–7]. Среди гетских племен не было единства, власть в Гетике была полностью децентрализована. Провозглашение одного племенного вождя царем, например, Москона в Северной Добрудже или Тиамарка в Олтении, не затрагивало племенной социальной и экономической структуры, демонстрируя лишь укрупнение племенных союзов. Другие правители (Дромихет Младший, сын Дромихета, Зальмодегик, Золт), которые не провозглашали себя «царями», оставались по сути племенными вождями [Preda, 1964, p. 401–408; 1973, p. 181; Сапрыкин, 2010а, с. 258]. Отношения гетских правителей с греческими городами сводились к договорам о выплатах денег в виде дани либо к набегам на хору для ее взимания [Pippidi, 1961, p. 53–66; Карышковский, 1971, с. 36 сл.].

Господство в регионе в III – I вв. до н.э. скифских царей Добруджи, которые были эллинизованы в несколько большей степени и обогащались путем взимания дани с подчиненных им гетских племенных общин, усиливало разобщенность фракийцев на мелкие союзы племен во главе с множеством царьков. Набеги гетов на греков участились, поскольку гетские правители были вынуждены выплачивать дань скифской верхушке. Такое положение не содействовало включению эллинских полисов в социально-экономическую структуру Гетики, остававшейся враждебной эллинскому миру, хотя ее слегка эллинизованная племенная знать была заинтересована в торговле с греками и постепенно обогащалась. Однако это не создавало почвы для формирования государственно-административной системы эллинистического типа. Гетские и скифские цари не имели возможности включать эллинские полисы в свои домены ни как часть царской земли, которой не было, ни в качестве полунезависимых центров. Греческие полисы оставались независимыми и использовались варварами, особенно скифскими царями, для посредничества в отношениях с эллинистическими государствами. Они рассматривали их как источник доходов от торговли зерном, взимаемым с гетских земледельцев-общинников. Поэтому в Гетике и в Малой Скифии не сложилось социально-экономической структуры, характерной для эллинистических государств. Там не было городов – центров ремесла и торговли и столиц админи-

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

стративно-территориальных округов, а поселения городского типа служили скорее резиденциями племенных вождей и мелких правителей, нежели опорой власти еди-нодержавных правителей или их наместников [Калоянов, 1988, с. 73–77; Сапрыкин, 2010а, с. 256].

Попытки укрепить государственность в Гетике предпринимались во II – первой половине I вв. до н.э. Оролом (Ролесом) и Буребистой. Однако это было вызвано скорее внешней угрозой со стороны кельтов-бастарнов, сарматов и скифов, нежели последствием внутреннего развития гетского общества. Понтийский царь Митридат, поддерживавший греческие полисы – объект экспансии гетов, внес свой вклад в их раздробленность. Он заключил союз с Дромихетом, одним из вождей, потомком Дромихета, предводителя гетского племенного союза при Лисимахе [App. Mithr. 32. 1; Olshausen, 1974, S. 166; Тодоров, 1989, с. 25–28]. В результате другие гетские правители сохраняли по отношению к нему нейтралитет либо испытывали враждебность.

Объединение гетских племен при Буребисте нередко называют эллинистической монархией [Suceveanu, 1978, p. 107–114; Stefan, 1982, p. 86; Crişan, 1978, p. 40; Ruscu, 2002, p. 302–304]. Однако кратковременность его существования, политика, направленная на полное разрушение и опустошение греческих городов и их хоры, взятие заложников демонстрируют враждебность к грекам. Геты не испытывали желания использовать экономические и культурные возможности эллинских полисов для укрепления государства. Царский титул Буребисты и «институт друзей» всего лишь результат поверхностной эллинизации гетской верхушки, но не показатель прочного государственного организма. Государство Буребисты больше напоминало союз племен во главе с могущественным вождем, власть которого только начала перерастать в царскую. В Гетике не было ни одного урбанистического центра, тем более полисного типа, а царские укрепления – столицы являлись поселениями городского типа и имели варварский облик, как некогда при Дромихете Старшем и позднее при Децебале, царе дако-гетов. Превращение племенных резиденций в города только набирало силу. После убийства Буребисты его союз распался на четыре или пять частей, что свидетельствует о его слабости и племенном характере.

Рим стремился усилить позиции во Фракии и Гетике, чтобы создать условия для формирования централизованного государства, способного защищать его интересы в Подунайе и Причерноморье. Римляне поддерживали лояльно настроенную к грекам и римлянам часть племенной верхушки. Они понимали, что для достижения успеха следует расширить эллинизацию, наладить отношения племенных союзов с эллинскими полисами побережья. В отличие от Фракии, где греко-варварские контакты установились достаточно давно, в Гетике они практически не сложились. Геты не пошли на союз с римлянами [Flor. II. 28. 1-3], что не позволило создать в Гетике клиентное царство эллинистического характера. Там отсутствовали условия для преодоления племенной раздробленности, формирования царской земельной собственности, основания полисов и преобразования поселений городского типа и резиденций вождей в полисные центры.

Тем не менее, закрепившись на северо-востоке Балканского полуострова и распространив влияние до дельты Дуная, римляне предприняли ряд мер по недопущению нападений фракийских племен на Грецию и Македонию. В 57 г. до н.э. без участия римлян в Одрисском царстве произошло слияние правящих династий астов и одрисов, что должно было усилить фракийскую государственность, ослабить племенную раздробленность и ограничить влияние родовой аристократии, упрочить территориально-административное управление. Фракийские правители, которые ранее не имели царского титула, с начала I в. до н.э. официально величались «царями» (Мостис, Садал II, Рескупорид I, Котис IV), а в ряде мест появились наместники-стратеги, которые напрямую отчитывались перед царем. Реформа территориального управления, призванная изжить племенную раздробленность и собственность племенной аристократии, была направлена на объединение земель под властью царя. В декрете из Одесса середины I в. до н.э. упоминается подчинявшийся царю Садалу II «стратег хоры», прилегавшей к владениям этого полиса [IGBulg. I². 43], сохранявшего автономию и собственную хору. В декрете из Дионисополя середины – начала второй половины I в. до н.э. проводится четкое различие между землями греческих полисов Одесса, Каллатиса и Дионисополя и владениями Котиса*, граница между которыми удостоверялась стратегом царя, очевидно, его наместником на царской хоре, примыкавшей к сельской округе полисов [IGBulg. V. 5011]. Создававшаяся царская собственность на землю и развивавшееся на ее основе царское управление распространялись только на племенные союзы астов и одрисов, не охватывая эллинские полисы и ряд других племен, которые оставались вне царской юрисдикции. Поэтому мелкие правители также провозгласили себя царями, хотя на самом деле являлись племенными вождями.

Параллельно с усилением астов и одрисов возросло влияние сапеев, которые захватили часть владений Фасоса в Южной Фракии и пошли на союз с фракийским племенем корпилов [App. Bel. Civ., IV. 87, 88]. У них сохранялись пережитки племенного деления, парадинасты и соправители, что тормозило формирование государства. Гражданские войны в Риме еще больше раскололи фракийское общество: сапеи, дарданы, бесы, одрисы поддержали Помпея, однако после его гибели Гай Юлий Цезарь признал одрисского царя Садала II и тот заключил союз с цезарианцами. После убийства диктатора Садала II и его сын Котис переметнулись к республиканцам. Сапеи заняли противоположные позиции: племенная группировка во главе с Раском поддержала Марка Антония, а другая, возглавляемая его братом Рескупоридом, встала на сторону Брута и Кассия. После поражения республиканцев Марк Антоний признал Раска единоличным правителем, в результате чего сапейские властители стали именоваться царями [IG II/III². 3442, 3443]. Астейские и одрисские правители, поддержавшие Брута и Кассия, при Антонии утратили былое влияние.

* Согласно одной точке зрения, это Котис II из династии сапеев, по другой – Котис III из той же династии, а по третьей – Котис IV, сын Садала II, представитель астейско-одрисской династии.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

Часть их территории отошла к сапеям и даже Бизия, оплот астейской династии, оказалась под властью сапейского царя [IGBulg. I², p. 98]. Одрисы решили поправить положение во время противостоянии Октавиана и Антония и вошли в союз с сапеями: в битве при Акции в 31 г. до н.э. сапейский династ Реметалк I уже вместе с одрисским царем Садалом III оказывал поддержку Антонию, но после его поражения перешел к Октавиану. Из-за этого Октавиан Август не доверял Реметалку и не спешил признавать его царем [Plut. Ant., 61; Мор., 207]. Влияние римлян во Фракии было непрочным, против них были решительно настроены бесы, дарданы, меды и другие племена. Поэтому Август из желания создать противовес неблагонадежным сапеям и их династу Реметалку решил одновременно поддержать одрисскую династию. В 29 г. до н.э. на престол взошел астейско-одрисский царь Котис V, предки которого, как и он сам, выступали противниками Антония. Его приход к власти был связан с походом римского полководца Марка Лициния Красса против мезов, сердов, бастарнов, дарданов и бесов. Бесы были побеждены, а их земли вместе с общефракийским святилищем Диониса переданы одрисам [Dio Cass. LI. 23. 3-5; Flor. II. 36]. Сапейские правители отошли в тень, тем более что им не удалось отказаться от традиционного для фракийцев института соправительства (вместе с Реметалком правление осуществлял его брат Рескупорид).

Однако к 12/11 г. до н.э. вектор римской восточной политики изменился. Римская империя сделала ставку на вассальных царей, которые должны были защищать ее границы на Дунае. Перед правителями Фракии была поставлена задача укрепить римское влияние в греческих полисах и среди непокорных гетов, а также паннонцев, германских и кельтских племен. Одрисское царство было слабым для выполнения такой задачи. Сапеи же в лице династов Реметалка и Рескупорида, захвативших господство в стране и укреплявших власть ради объединения фракийских племен, подавляли антиримские мятежи на северо-западе своей державы [Dio Cass. V. 29. 3-5; 30. 3; Vel. Pat. II. 112. 4-5], помогали римлянам в борьбе с непокорными бесами, гетами (даками), бастарнами и скифами [Dio Cass. LIV. 34. 5-7; Ovid. Ex Ponto. I. 8. 11; IV. 9. 75; Tac. Ann. II. 64, 65]. Поэтому римляне решили укреплять Фракийское государство усилиями сапейских правителей. Реметалк получил царский титул, римское гражданство и управление восточными регионами Мезии до Дуная. В его государстве появился институт стратегов – царских наместников, резиденциями которых являлись укрепленные поселения и кастели, например, Тиридзис (совр. Калиакра) [IGBulg. I². 12]. Им подчинялись земли вокруг подвластных городов и крупных укреплений, а также округа, которые формировались на прежде племенных территориях. Несмотря на ликвидацию парадинастов, соправительство родственников династов сохранялось, а пережитки племенных отношений не были полностью преодолены. Римляне давали права гражданства фракийской знати, поощряли эллинизацию при посредничестве причерноморских полисов. Сапейские цари и поддерживавшие их римляне сумели установить достаточно тесные отношения с греческими полисами. Им было разрешено вести обширную торговлю с фракийским хинтерландом, так как

это обогащало казну царства. Денежные средства и дипломатические подарки от сапейских царей направлялись через города и прибрежные эмпории для подкупа вождей других племен. Поэтому было принято решение включить некоторые районы нижнедунайского региона и греческие полисы во Фракийское царство сапейских правителей [Тодоров, 1988, с. 93; Сапрыкин, 1995, с. 415–425]. Налоги с территории в устье Дуная и с полисов на Черноморском побережье поступали в казну Реметалка I [ISM I. 66], что обогащало фракийскую верхушку, прежде всего сапеев. Поэтому Фракийское государство из рыхлого полуплеменного объединения постепенно превращалось в государство централизованного типа, в котором вызревали отношения, свойственные эпохе эллинизма.

Фракия была неоднородна – экономически развитые южные и причерноморские районы соседствовали с отсталыми северными и горными регионами, где сохранялись патриархальные традиции и сильные пережитки родоплеменных отношений. Признаки, характерные для государств эллинистического типа, – эллинизация, царская и полисная земельная собственность, административно-территориальные единицы-стратегии – появились только на юге, юго- и северо-востоке страны. Племенная знать в отсталых районах была недовольна влиянием Рима и эллинизацией, а среди широких слоев населения, подвергавшихся социально-имущественному расслоению, нарастал протест. Он был особенно сильным среди мелких племен, страдавших от разорения фракийской общины. Эти причины привели к разделу государства между двумя представителями одной династии. В 13 г. н.э. после смерти Реметалка I и в связи с образованием в 14 г. н.э. новой римской провинции Мезия римляне отдали Котису III (VIII), сыну Реметалка, из династии сапеев, южные и причерноморские территории вместе с греческими городами [Ovid. Ex Ponto. II. 9. 7-10], а северные области передали его дяде Рескупориду. Они решили также связать брачной унией домен Котиса и Боспорское царство, чтобы создать в Причерноморье прочный заслон сарматской угрозе. Однако Рескупорид, стремясь стать во главе всей Фракии, коварно убил племянника, за что был свергнут, а впоследствии убит по приказу римлян. Владения Котиса достались его детям, которые правили под опекой римских чиновников, а царство Рескупорида отошло к его сыну Реметалку II. Фракийские племена, особенно койлалеты, дии и одрисы, были крайне возмущены создавшейся ситуацией и в 21 и 26 гг. н.э. поднимали антиримские восстания. Дети Котиса были отправлены в Рим, где воспитывались в римском духе вместе с будущим принцепсом Калигулой. Реметалк II подавил эти выступления и стал владыкой всей Фракии, получив от императора титул царя [Тас. Ann. III. 38; IV. 46]. При нем процесс превращения Фракии в централизованное государство эллинистического типа ускорился, появилось несколько новых стратегий – наместничеств, которые объединяли сразу несколько прежних племенных территорий. Его сподвижник Аполлоний, сын Ептайкента, эллинизованный фракиец из Бизии, получивший римское гражданство, являлся стратегом царя в «местности вокруг Анхиала», а позднее, после укрупнения административно-территориального деления страны, стал стратегом Анхиала,

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

Селетики и Русики, т.е. племенных областей царства [IGBulg. II. 743]. Реметалк II, как союзник и вассал Римской империи, расширил государство за счет северных областей в междуречье Дуная и Днестра, проводил активную внешнюю политику в Причерноморье и на юге Фракии. Однако пережитки племенного деления не были преодолены: титулатура Реметалка – «династ (царь) фракийцев Реметалк, сын династа Рескупорида, внук по отцу царя Котиса и внук по матери царя Реметалка» – отражала прежнюю племенную раздробленность государства.

В 38 г. н.э. к власти во Фракии пришел Реметалк III, старший сын Котиса III (VIII), получивший римское воспитание и образование при дворе императора Тиберия. Его воцарение вызвало резкое недовольство консервативной фракийской аристократии, выступившей против засилья римлян в стране и введения римских порядков. Эту позицию поддержали фракийские племена. В 46 г. н.э. царь пал жертвой очередного заговора. Римские власти, которые укрепляли владения в Подунайе и с этой целью в 44 г. н.э. выделили в качестве самостоятельной провинции Мезия (до этого она входила в состав провинции Ахайя), решили более не тратить силы и средства для создания во Фракии централизованного эллинистического государства. Опасаясь новой вспышки недовольства и чувствуя непрочность своих позиций, они в 46 г. н.э. превратили вассальное Фракийское царство в римскую провинцию. Этим завершилась история фракийской государственности, так и не оформившейся в эллинистическую по причине сохранения патриархальных традиций и ярко выраженного племенного деления, что служило препятствием для превращения Фракии в монархию эллинистического типа.

На противоположном берегу Черного моря, в Колхиде, также не сложились объективные условия для формирования централизованного государства эллинистического типа. Первое объединение западнокартвельских племен конца бронзового века, известное как Кулха, так и не достигнув уровня развитого государства, в последней четверти VIII в. до н.э. было разгромлено киммерийцами и скифами. Возникшее в VI в. до н.э. в районе Фасиса (Риони) государственное образование под названием Колхида также не отличалось внутренней прочностью [Меликишвили, 1959, с. 116; Лордкипанидзе Г.А., 1978, с.137]⁵. Одна из причин этого – обязанность выплачивать дары персам, так как Колхида подчинялась Персидской державе [Болтунова, 1979, с. 52]. Изучение некрополей колхского населения и сельских поселений VI–IV вв. до н.э. показывает, что в Колхиде происходили процессы социальной и имущественной дифференциации, выделение знати, придерживавшейся патриархальных и племенных традиций, формирование соседской общины и слоя свободных земледельцев-общинников. Коллективные погребения, которые просле-

⁵ О.Д. Лордкипанидзе, напротив, считает, что Колхидское государство VI–IV вв. до н.э. являлось мощным образованием с чертами древневосточной монархии с сильной царской властью, служилой знатью, постоянным войском [Лордкипанидзе О.Д., 1979]. Критику этих положений см. [Воронов, 1981, с. 336; Сапрыкин, 1982, с. 265–270].

живаются во многих регионах, свидетельствуют о сильных пережитках племенных и родовых традиций. Рост влияния и могущества знати, о чем говорят богатые погребения в некрополях Вани и Шромисубани, ставил ее выше рядовых общинников и закреплял ее политическое господство на местах. На определенном этапе социального развития эти процессы тормозили становление государства. А это создавало предпосылки для раздробленности страны на отдельные территориально-племенные районы во главе со скептухами – локальными мелкими правителями, выходцами из племенных родов и кланов, которые только номинально подчинялись власти верховных правителей. Поэтому к эпохе эллинизма у колхов не сложилось могущественного государства. Страбон говорит, что после походов Фрикса и Ясона с аргонавтами за золотым руном «последующие цари-преемники (очевидно, Ээта, царя колхов при Ясоне – С.С.) владели страной, разделенной на скептухии, но власть их была невелика» [Strabo XI. 2.18]. Включение Колхиды в Понтийское царство в 105–90 гг. до н.э. происходило неоднозначно – мирным путем через наследование земель, а также с использованием военной силы для подчинения царей-скептухов вокруг Фасиса [Memn. XXX; Justin XXXVIII. 7. 10]. Управлявшие страной наместники понтийского царя не смогли преодолеть раздробленность колхов, часть которых не желала подчиняться и даже отпала от Митридата Евпатора после 85 г. до н.э. Для окончательного преодоления раздробленности колхи попросили Митридата VI назначить им в наместники его сына Митридата Младшего. Это должно было закрепить статус Колхиды как наследственного домена понтийского монарха [App. Mithr. 64] и окончательно ликвидировать скептухии – основу племенной разобщенности Колхиды. Однако Митридат Младший был заподозрен в измене и казнен, что притормозило процессы объединения. Другой сын понтийского царя – Махар, став в 80 г. до н.э. новым наместником [App. Mithr. 67], продолжил политику, направленную на создание царской земельной собственности в Колхиде. Понтийские власти старались опираться в этом на греческие полисы Диоскурию и Фасис, которые издревле вели торговлю с многочисленными племенами Кавказа и служили источником эллинизации местного населения. Диоскурия превратилась в резиденцию Махара, одновременно осуществлявшего наместничество на Боспоре. Греческие полисы были заинтересованы в сохранении обширных торговых связей с племенами Колхиды, так как через их посредничество осуществлялись необходимые царю поставки сырья и продовольствия из внутренних районов страны. Внутренние области Колхиды, особенно горные районы, отличались устойчивостью племенных отношений. В бассейне реки Риони и других рек существовали укрепленные городища, населенные колхами. Они снабжали греческие города товарами сельскохозяйственного производства, древесиной, кожами, металлом, защищали колхские племенные союзы от экспансии греков и понтийцев, хотя их отношения были мирными и взаимовыгодными, что отвечало интересам колхской знати. Торговый обмен, развитие ремесел привлекали в окрестности греческих городов местное население, получавшее возможность вести собственное хозяйство. В результате часть оседлого населения превращалась

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

в обитателей дальней хоры, которые, проживая в деревнях, становились полузависимыми и неполноправными общинниками. Однако к концу II в. до н.э. греческие города начали утрачивать прежнее значение крупных торгово-экономических центров, их хора резко сократилась, что препятствовало активной эллинизации населения западных регионов Колхиды. Города лишь частично вписались в создававшуюся в Колхиде социально-экономическую структуру, основанную на царской земельной собственности, поскольку владели хорой исключительно в прибрежной зоне. Но даже там, в окрестностях Диоскурии, в это время набирали силу племенные союзы. В 70 г. до н.э., когда римляне осадили Синопу, командир царского гарнизона и ее наместник Клеохар бежал со сторонниками во внутренние районы Понта, населенные колхскими племенами – санигами и лазами, обитавшими по соседству с Диоскурией [Мемн. XVI. 54. 2].

Одним из крупных племенных союзов во внутренних областях Колхиды были мосхи, которые владели святилищем и оракулом Ино-Левкотеи (Вани-Суриум?). Их территория была разделена между колхами, армянами и иберами [Strabo XI. 2. 18]. Гениохи, проживавшие на северных границах Колхиды, имели четырех царей [Strabo XI. 2. 13], а соаны, подчинившие другие племена в горных районах, одного царя, наминавшего вождя большого племенного союза, и совет из 300 человек, очевидно, совет племенных старейшин [Strabo XI. 2. 19; Plin. XXXIII. 52; Воронов, 1980, с. 73]. Измена Махара, бежавшего в 67 г. до н.э. на Боспор, прервала объединение племенных территорий и укрепление царской земельной собственности в Колхиде, что привело к очередному разъединению на полусамостоятельные племенные территории. Правившие после Махара наместники из числа «друзей» царя также не сумели закрепить полную царскую юрисдикцию в Колхиде и потому были вынуждены бежать вместе с отступавшим понтийским царем [Тодуа, 1990, с. 72]. Д. Браунд справедливо отмечает, что Митридат Евпатор, укрепляя свою власть в Колхиде, оставил в силе деление на скептухий с их племенными функциями [Braund, 1994, p. 156]. Поэтому некоторые племена и скептухи могли не признавать его власть или считать себя ее подданными чисто условно. Это стало причиной того, что, когда в 67 г. до н.э. он зимовал в Диоскурии, не отважился остановиться ни в одной из крепостей внутренней Колхиды, так как понимал непрочность своей власти в этой стране. Он мог быть уверен только в надежности прибрежных полисов и проживавших по соседству некоторых колхских племен [Лордкипанидзе Г.А., 1970, с. 25; Ломоури, 1979, с. 179]. Среди колхских скептухов наиболее действенную поддержку царю Понта оказал только Олтак [Ломоури, 1981, с. 109]. Страбон сообщает, что после падения Митридата Евпатора его владения в Колхиде были разделены между многими правителями [Strabo XI. 2. 18], что говорит о непрочности всей административно-территориальной конструкции и отсутствии сильного государства.

Политика римлян, в частности Гнея Помпея, который в 66 г. до н.э. дошел до устья Фасиса, также не содействовала усилению государственной власти у колхов. Дион Кассий свидетельствует, что Помпей прошел через земли колхов и их соседей,

«действуя то убеждением, то страхом» [Dio Cass. XXXVII. 3.2]. Это было связано с раздробленностью Колхиды, где одни племена и скептухи поддерживали римскую власть, а другие были к ней враждебны. Неоднозначная ситуация в Колхиде и в соседних областях стала одной из причин нежелания Помпея преследовать Митридата Евпатора, отступавшего на север. Римский полководец разделил владения Митридата Евпатора, лежавшие в сторону Армении и подле Колхиды, между различными властителями, сражавшимися на его стороне. Поэтому все области по эту сторону Фасиса перешли под власть римлян и назначенных ими властителей [Strabo XII. 3.1; ср. V. 4.2]. Одним из них был Аристарх, после свержения Махара один из наместников понтийского царя, который встал на сторону Помпея и по его распоряжению правил лишь частью страны [Сапрыкин, 2003а, с. 247–249]. В 48 г. до н.э. Фарнак II сверг Аристарха и разрушил святилище Левкотеи в Вани [Strabo XI. 2. 17], поскольку контролировавшие регион скептухи выступили против восстановления митридатовских порядков и придерживались проримской ориентации. После падения Фарнака святилище было окончательно разрушено Митридатом Пергамским, ставленником Цезаря [Strabo XI. 2. 17]. Последнее могло быть следствием того, что какая-то группа колхской знати и жречество из числа промитридатовских кругов все же поддержали Фарнака. Это говорит о раздробленности колхов, а агрессивные действия внешних сил только усугубляли общий раскол.

Включение Колхиды в состав Понтийского царства Полемонидов, в котором она пребывала до 64 г. н.э., не способствовало усилению колхской государственности и укреплению царской земельной собственности. Политика Полемонидов была направлена на уничтожение царских доменов и перераспределение наследственных земель Митридатидов между полисами, укреплениями городского типа и мелкими городами [Сапрыкин, 1996, с.308 сл.]. Поскольку в стране колхов этого можно было добиться только путем опоры на Фасис, Гиэнос и Диоскурию, которые пребывали в глубоком кризисе, практически не являясь уже греческими полисами в полном смысле слова, и не имели хоры, а царского землевладения в виде доменов создано не было, ибо господствовали племенные союзы, то провозглашение Полемона I и его вдовы Пифодориды «царями колхов» не изменило существующего порядка. Колхида по-прежнему управлялась скептухами и отдельными племенными союзами. Подобное положение не привело к формированию полновесного и сильного государственного образования у колхов и в эпоху Империи они продолжали пребывать в состоянии раздробленности на мелкие племена со своими правителями [Меликишвили, 1959, с. 333; Ломоури, 1981, с. 145]. Римляне учли создавшееся положение и строили политику, направленную на поддержку мелких вассальных царств, которые могли бы служить буфером между римскими провинциями Восточной Малой Азии и варварскими народами Северо-Восточного Причерноморья, главным образом, сарматами.

Таким образом, объективные условия развития Колхиды на протяжении длительного времени не способствовали преодолению раздробленности и формированию го-

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

сударства эллинистического типа. Отдельные племенные союзы, которые в римскую эпоху превратились в полузависимые от римлян царства, так и не перешагнувшие племенных традиций, являлись серьезным препятствием для закрепления царской земельной собственности и строительства на ее основе централизованного государства эллинистического типа. Рассмотренные выше причины и обстоятельства развития эллинизма в Причерноморье позволяют прийти к заключению, что условия для развития могущественного государства эллинистического типа были созданы только на Боспоре. Это было следствием его вхождения в Понтийское царство Митридата Евпатора и существования там развитых греческих полисов, ставших важной составной частью его политической и экономической структуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Блаватская Т.В.* Аспург и Боспор // СА. 1965. № 3.
- Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985.
- Болтунова А. И.* Колхи и держава Ахеменидов // Проблемы античной истории и культуры. Т. 1. Ереван, 1979.
- Велков В.* Кабиле. Местоположение, проучвания, извори // Кабиле. Том. 1. София, 1982.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М., 1983.
- Виноградов Ю.Г.* Боспор и эллинизм // III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1988.
- Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского (Опыт интерпретации) // ВДИ. 2001. № 4.
- Воронов Ю.Н.* Местное население Северо-Западной Колхиды в VIII – V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981.
- Воронов Ю.Н.* Диоскуриада – Себастополис – Цхум. М., 1980.
- Высокий М.Ф.* Черты протоэллинизма в Великой Греции (Сицилия) и Фракии // История и культура древнего мира. М., 1996.
- Высокий М.Ф.* Эллины в Одрисском царстве в V-IV вв. до н.э. // Studia historica. 2003. Вып. 3.
- Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «протоэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009.
- Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. XV.
- Гарбузов С.Г., Завойкин А.А.* Сельская территория Таманского полуострова в период поздних Спартокидов // БИ. 2014. XXX.
- Делев П.* Тракийското царство на Лизимах: някои териториални проблеми // Балкански древности. 1992. № 2.
- Димитров Д.П.* За укрепените вили и резиденции у траките в предримската епоха // Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958.
- Димитров Д.П.* Тракийският град Севтополис // Севтополис. Том 1. София, 1984.
- Домарадски М.* Келтите на Балканския полуостров. София, 1984.
- Дройзен И.Г.* История эллинизма. Т. I–III. М., 1890–1893.
- Дьяконов М.М.* Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М., Л., 1953.
- Журавлев Д.В., Мокроусов С. В., Сапрыкин С.Ю.* Эпоха поздней античности // Античное наследие Кубани. Т. 2. М., 2010.
- Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Т. 4.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный

Боспорские исследования, вып. XXXV

- мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. М., Киев, Запорожье, 2007.
- Завойкин А.А.* Эллинизм и Боспор // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь, Керчь, 2013.
- Завойкин А.А.* Боспорские греки и «азиатские варвары» в период архаики – раннего эллинизма // *Scripta antiqua* III. М., 2013а.
- Завойкина Н.В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013.
- Зельин К.К.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. XXII.
- Зельин К.К.* Основные черты эллинизма // ВДИ. 1955а. № 4.
- Златковская Т.Д.* Возникновение государства у фракийцев. М., 1971.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху // БИ. 2006. XII.
- Зубарь В.М., Сон Н.А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Симферополь, 2007.
- Иванова А.П.* Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора // СА. 1951. XV.
- Калянов С.* Проблемы на тракийския урбанизъм в гетските земи // *Terra Antiqua Balcanica* III. Serdicae, 1988.
- Карышковский П.О.* Истрия и ее соседи на рубеже III-II вв. до н.э. // ВДИ. 1971. № 2.
- Книпович Т.Н.* Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // Античные города Северного Причерноморья. М., Л., 1955.
- Колобова К.М.* Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю.* От Скифии к Готии. Симферополь, 2004.
- Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Кошеленко Г.А.* Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Крыкин С.М.* Проблемы возникновения государственности у южных фракийцев // ПИФК. 2002. XII.
- Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1.
- Лазаров Л.* О кельтском государстве с центром в Тиле при Каваре // ВДИ. 1996. № 1.
- Ломоури Н.Ю.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979.
- Ломоури Н.Ю.* Грузино-римские взаимоотношения. Ч. 1. Тбилиси, 1981.
- Лордкипанидзе Г.А.* К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970.
- Лордкипанидзе Г.А.* Колхида в VI–II вв. до н.э. Тбилиси, 1978.
- Лордкипанидзе О.Д.* Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси, 1979.
- Максимова М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М., Л., 1956.
- Масленников А.А.* К типологии боспорских поселений // СА. 1989. № 2.
- Масленников А.А.* Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. 1996. № 3.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.
- Масленников А.А.* «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 2001. № 1.
- Масленников А.А.* Малые и малоисследованные города античного Боспора. Тула, 2004.
- Масленников А.А.* Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. М., Киев, Запорожье, 2007.
- Масленников А.А.* Царская хора Боспора. Т. 1–3. М., 2010–2015.
- Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Молев Е.А.* Западнопонтийские города в антиримских войнах Митридата VI // *Terra Antiqua Balcanica* II. Sofia, 1985.
- Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Нейхардт А.А.* Рабство в греческих городах южного побережья Понта // Рабство на периферии античного мира. Л., 1968.
- Ольховский В.С., Храпунов И.Н.* Крымская Скифия. Симферополь, 1990.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

- Панов А.Р. Рим и Боспор: противостояние или сотрудничество? Нижний Новгород, 2013.
- Пети П., Ларонд А. Эллинистические цивилизации. М., 2004.
- Ранович А.Б. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии // ВДИ. 1947. № 2.
- Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.
- Розовский А.А. Понятие «эллинизм»: цивилизованный подход (постановка проблемы) // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994.
- Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. Петроград, 1918.
- Сапрыкин С.Ю. Новые книги о древней Колхиде // СА. 1982. № 1.
- Сапрыкин С.Ю. Тирания в припонтийских государствах // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984.
- Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
- Сапрыкин С.Ю. Митридат Евпатор и Фракия // Болгарский ежегодник I. Харьков, 1994.
- Сапрыкин С.Ю. Надпись фракийского царя из Тиры // Studia in honorem Georgi Michailov. Sofia, 1995.
- Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996.
- Сапрыкин С.Ю. Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатидов // Античный мир. Византия. Харьков, 1997.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1.
- Сапрыкин С.Ю. Аристарх Колхидский // Scripta Gregoriana. М., 2003а.
- Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006.
- Сапрыкин С.Ю. О хронологических границах эллинизма // История. Мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008.
- Сапрыкин С.Ю. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н.э. – середина III в. н.э.) // Античное наследие Кубани. Т. 2. М., 2010.
- Сапрыкин С.Ю. Гето-дакийские царства эллинистической эпохи // БИ. 2010а. XXIII.
- Сапрыкин С.Ю. «Малые» государства Причерноморья в эпоху эллинизма и ранней Римской империи // Всемирная история. Т. 1. М., 2011.
- Сапрыкин С.Ю. Традиции российской науки в изучении античного Причерноморья в Советскую и постсоветскую эпохи // Цивилизация и варварство. Парадоксы победы цивилизации над варварством. М., 2013.
- Сапрыкин С.Ю. Понтийские царства: от эллинизации к эллинизму // Цивилизация и варварство. Пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство. М., 2015.
- Свенцицкая И.С. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963.
- Сокольский Н.И. О периоде эллинизма в Северном Причерноморье // ВДИ. 1955. № 4.
- Сокольский Н.И. Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. В., 1961.
- Сокольский Н.И., Шелов Д.Б. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Соломатина Е.И. Рец.: Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников). М., 2010 // ВДИ. 2013. № 1.
- Суриков И.Е. Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015.
- Суриков И.Е. Предпосылки становления культа правителей в доэллинистической Греции // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. СПб, 2016.
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Тачева М. История на българските земи в древността. София, 1987.
- Тодоров И. Дополнение към Страбон VII. 3. 11 // Terra Antiqua Balcanica III. Serdicae, 1988.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Тодоров И.* Дромихет – един малко известен гетски владетел от началото на I в. пр. н.е. // *Terra Antiqua Balcanica IV. Serdicae*, 1989.
- Тодуа Т.Т.* Колхида в составе Понтийского царства. Тбилиси, 1990.
- Фол А.* Тракия и Балканы през ранноелинистическата епоха. София, 1975.
- Фол А., Цветков Б., Машов С., Иванов П.* Тракийското съкровище от Рогозен. София, 1988.
- Фролов Э.Д.* История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Фролов Э.Д.* Античная государственность на рубеже классики и эллинизма // *Эллинизм и Причерноморье*. Материалы Третьего всесоюзного симпозиума. Тбилиси, 1982а.
- Фролов Э.Д.* Гераклейские мариандины (К проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации) // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Тбилиси, 1981.
- Фролов Э.Д.* Предэллинизм на греческом Западе (к проблеме отношений «полис-монархия» и «эллины-варвары») // ПИФК. 1996. 1.
- Хазанов А.М., Шкурко А.И.* Воздействие античной культуры на искусство и культуру скифо-сарматского мира // *Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока*. М., 1978.
- Храпунов И.Н.* Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры, скифы, сарматы. Симферополь, 1995.
- Чичикова М., Иванов Т., Енев М., Кръстев К.* Тракийската гробница от Свещари. София, 1986.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1984. М., 1985.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* О периоде «протоэллинизма» на греческой периферии (на примере Боспора) // *Причерноморье в эпоху эллинизма*. Тбилиси, 1985а.
- Яковенко Э.В.* Рядовые скифские погребения в курганах Крыма // *Древности Восточного Крыма*. Киев, 1970.
- Avram A.* Notes sur l'inscription de l'emporion de Pistiros de Thrace // *Il Mar Nero*. 1997/1998. III.
- Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Cambr., 1976.
- Bengtson H.* Wesenzüge der hellenistischen Zivilization. Brüssel, 1968.
- Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen Bd 1-2. München, 1967.
- Bikerman E.* Institutions de Seleucids. P., 1938.
- Billows R.A.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden, N.Y., Köln.
- Bittner A.* Gesellschaft und Wirtschaft in Heraklea Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung. Bonn, 1998.
- Braund D.* Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC – AD 562. Oxf., 1994.
- Briant P.* Rois, tributes et paysans. P., 1982.
- Bursten S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976.
- Cohen R.* La Grece et l'hellénisation du monde ancienne. P., 1934.
- Cohen G.* The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization. Wiesbaden, 1978
- Crişan J.* Burebista and His Time. Bucuresti, 1978.
- Croiset M.* La civilisation hellénique. T. 1-2. P., 1922.
- Danov Ch., Ivanov T.* Antike Grabmäler in Bulgarien. Sofia, 1980.
- Dareste R., Haussoullier B. Reinach T.* Recueil des inscriptions juridiques grecques. P., 1898.
- Delev P.* Proto-Hellenistic and Early Hellenistic Phenomena in Ancient Thrace // *The Thracian World at the Crossroads of Civilisations*. Bucharest, 1996.
- Domaradzka L.* Monuments epigraphiques de Pistiros // *BCH*. 1999. T. 123.
- Domaradzka L.* Addenda ad Pistiros I: The Pistiros-Vetren Inscription // *Pistiros II. Excavations and Studies*. Prague, 2002.
- Donoiu J.* Monede daco-getice si efigii Romane. Bucuresti, 1980.
- Dunant Ch., Pouilloux J.* Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos // *Etudes thasiennes V*. P., 1958.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

- Ellis J.R.* Philip II and Macedonian Imperialism. L., 1976.
- Finley M.* Ancient Economy. Berkley, Los Angeles, 1973.
- Forrest W.G.* Wege zur hellenischen Demokratie. Staatsdenken und politische Wirklichkeit von 800-400 v. Chr. München.
- Frolova N., Ireland S.* The Coinage of the Bosporan Kingdom. Oxf. 2002.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. B., Amsterdam, 1971.
- Garlan Y.* Les esclaves en Grèce ancienne. P., 1982.
- Gattinoni F.L.* Lisimaco di Tracia. Milano, 1992.
- Grousset R.* Histoire d'Asie. T. 1. P., 1921.
- Guarducci M.* Epigrafia Greca. Vol. III. Roma, 1974.
- Hatzopoulos M.B.* Une donation du roi Lysimaque // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ V. Athens, 1988.
- Heinen H.* Geschichte des Hellenismus von Alexander bis Kleopatra. München, 2003.
- Homo L.* Alexandre le Grand. P., 1950.
- Iliescu V.* Alexander der Grosse und Dromichaites // Studia in honorem Borisi Gerov. Sofia, 1990.
- Jouguet P.* L'imperialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. P., 1937.
- Karlsson L.* Thoughts about Fortification in Caria from Mausolos to Demetrios Poliorketes // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Konecny A.* Militarisches Formengut – zivile Nutzung: die lykische Türme // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Kreissig H.* Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. B., 1978.
- Kreissig H.* Die Dorfgemeinde im Orient in der Hellenistischen Epoche // Les communautés rurales. Recueils de la société Jean Bodin. XLI.P., 1983.
- Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. Vol. 2. P., 1949.
- Lepore E.* Problemi dell'organizzazione della chora coloniale // Problemes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
- Lévêque P.* Le monde hellénistique. P., 1969.
- Lotze D.* Μεταξύ ἐλευθέρων καὶ δούλων // Studien zur Rechtstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum IV. Jahrhundert v. Chr. B., 1959.
- Marksteiner T.* Befestigte Siedlungen Lykiens in vorrömischer Zeit // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Martin R.* Rapports entre les structures urbaines et les mondes de division et d'exploration du territoire // Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
- Maslennikov A.A., Treister M.Yu.* A Fragment of an Attic Helmet from the Settlement at Lake Chokrak // AncCiv. 1997. Vol. 4, no. 1.
- McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986.
- Missitzis L.* A Royal Decree of Alexander the Great on the Land of Philippi // Ancient World. 1985. 12. No. 1-2.
- Niese B.* Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd I-III. Gotha, 1893–1903.
- Olshausen E.* Zum Hellenisierungsprozess am pontischen Königshof // Ancient Society. 1974. 5.
- Petit P.* La civilization hellénistique. P., 1965.
- Pimouguet I.* Les fortifications de la Pérée rhodienne // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Pippidi D.* Istros et les getes au IIIe siècle av. notre ère // SC. 1961. 3.
- Preda C.* Monede de un tip necunoscut provenind din Dobrogea // SCIV. 1964. XV, 3.
- Preda C.* Monedele geto-dacilor. Bucuresti, 1973.
- Robert J. et L.* Bulletin epigraphique // REG 1967.
- Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922.
- Rostovtzeff M.I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I-III. Oxf., 1941.
- Roussel P.* La Grèce et l'Orient des guerres médiques à la conquête romaine. P., 1928.
- Ruscu L.* Relașiile externe ale orașelor grecești de pe litoralul românesc al Mării Negre. Cluj-Napoca, 2002.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Saprykin S.Ju., Maslennikov A.A.* Bosporan Chora in The Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors // *AncCiv.* 1996, Vol. 3, no. 1.
- Saprykin S.Ju.* Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI-I Centuries BC). Amsterdam, 1997.
- Saprykin S.Ju.* Bosporus on the Verge of the Christian Era (Outlines of Economic Development) // *TALANTA.* 2000/2001. Vol. 32/33.
- Saprykin S.Ju.* Polis Chora in the Kingdom of Bosporus // *Problemi della chora coloniale dall'occidente al Mar Nero.* Taranto, 2001.
- Saprykin S.Ju.* Chora and Polis in the Kingdom of Bosporus in the Classical and Hellenistic Periods // *Chora und Polis.* München, 2004.
- Saprykin S.Ju.* The Chora in the Bosporan Kingdom // *Surveying The Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective.* Aarhus, 2006.
- Saprykin S.Ju.* The Kingdom of Bosporus at the Turn of the Common Era: Barbarian and Roman Impact // *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.).* Bordeaux., 2007.
- Schuler Ch.* Ländliche Siedlungen und Gemeinden im hellenistischen und römischen Kleinasien München, 1998.
- Stefan A.* Études recentes d'épigraphie grecque en Roumanie // *Eirene.* 1982. 18.
- Suceveanu A.* Quelques reflexions autour du royaume de Burebista // *AMN.* 1978. 15.
- Toutain J.* L'économie antique. P., 1928.
- Velkov V.* Alexander der Grosse und Thrakien // *Festschrift G. Wirth.* Amsterdam, 1978.
- Vinogradov Ju. G., Wörrle M.* Die Söldner von Phanagoreia // *Chiron.* 1992. Bd 22.
- Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. Vol. I-II. Nancy, 1966-1967.
- Will E., Mossé Cl., Goukowsky P.* Le monde grec et l'Orient. P., 1975.
- Youroukova Y.* Coins of the Ancient Thracians. Oxf., 1976.
- Zawadzki T.* Quelques remarques sur l'étendue et l'accroissement des domaines des grands temples en Asie Mineure // *EOS.* 1952/1953. Vol. 46. Fasc. 1.

REFERENCES

- Anokhin V.A.* Monetnoe delo Bospora. Kiev, 1986.
- Avram A.* Notes sur l'inscription de l'emporie de Pistiros de Thrace // *Il Mar Nero.* 1997/1998. III.
- Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Cambr., 1976.
- Bengtson H.* Wesenzüge der hellenistischen Zivilization. Brüssel, 1968.
- Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen Bd 1-2. München, 1967.
- Bikerman E.* Institutions de Seleucids. P., 1938.
- Billows R.A.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden, N.Y., Köln.
- Bittner A.* Gesellschaft und Wirtschaft in Heraklea Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung. Bonn, 1998.
- Blavatskaya T.V.* Aspourg i Bospor // *SA.* 1965. 3.
- Blavatskij V.D.* Antichnaya arkheologiya i istoriya. Moscow, 1985.
- Boltunova A.I.* Kolkhi i derzhava Akhemenidov // *Problemy antichnoy istorii i kul'tury.* T. 1. Erevan, 1979.
- Braund D.* Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC – AD 562. Oxf., 1994.
- Briant P.* Rois, tributes et paysans. P., 1982.
- Bursten S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976.
- Chichikova M., Ivanov T., Enev M., Krystev K.* Trakiyskata grobnitsa ot Sveschari. Sofia, 1986.
- Cohen R.* La Grece et l'hellénisation du monde ancienne. P., 1934.
- Cohen G.* The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization. Wiesbaden, 1978.
- Crişan J.* Burebista and His Time. Bucuresti, 1978.
- Croiset M.* La civilisation hellénique. T. 1-2. P., 1922

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

- Danov Ch., Ivanov T.* Antike Grabmäler in Bulgarien. Sofia, 1980.
- Dareste R., Haussoullier B., Reinach T.* Recueil des inscriptions juridiques grecques. P., 1898.
- Delev P.* Trakijskoto tsarstvo na Lizimakh: nyakoi teritorialni problemy // Balkanski drevnosti. 1992. 2.
- Delev P.* Proto-Hellenistic and Early Hellenistic Phenomena in Ancient Thrace // The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. Bucharest, 1996.
- Dimitrov D.P.* Za ukrepenite vili i rezidentsii u trakite v predrimskata epokha // Izsledovaniya v chest na akad. D. Dechev. Sofia, 1958.
- Dimitrov D.P.* Trakijskiyat grad Sevtopolis // Sevtopolis. T. 1. Sofia, 1984.
- Domaradzka L.* Monuments epigraphiques de Pistiros // BCH. 1999. T. 123.
- Domaradzka L.* Addenda ad Pistiros I: The Pistiros-Vetren Inscription // Pistiros II. Excavations and Studies. Prague, 2002.
- Domaradzki M.* Keltite na Balkanskiya poluostrov. Sofia, 1984.
- Djakonov M.M.* Ocherk istorii drevnego Irana. Moscow, 1961.
- Donoiu J.* Monede daco-getice si efigii Romane. Bucuresti, 1980.
- Drojzen I.G.* Istoriya ellinizma. T. I-III. Moscow, 1890–1893.
- Dunant Ch., Pouilloux J.* Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos // Etudes thasiennes V. P., 1958.
- Ellis J.R.* Philip II and Macedonian Imperialism. L., 1976.
- Finley M.* Ancient Economy. Berkley, Los Angeles, 1973.
- Fol A.* Trakiya i Balkanite prez rannoelinisticheskata epokha. Sofia, 1975.
- Fol A., Zvetkov B., Maschov S., Ivanov P.* Trakiyskoto sokrovische ot Rogozen. Sofia, 1988.
- Forrest W.G.* Wege zur hellenischen Demokratie. Staatsdenken und politische Wirklichkeit von 800-400 v. Chr. München.
- Frolov E.D.* Istoriya ellinizma v biografiyakh ego tvortsov // Bengtson G. Praviteli epokhi ellinizma. Moscow, 1982.
- Frolov E.D.* Antichnaya gosudarstvennost' na rubezhe klassiki i ellinizma // Ellinizm I Prichernomor'ye. Materialy Tret'ego Vsesoyuznogo simpoziuma. Tbilisi, 1982a.
- Frolov E.D.* Gerakleyskie mariandiny (K probleme vzaimootnosheniy grecheskikh kolonistov I mestnykh plemen v zone doriyskoy kolonizatsii) // Demographicheskaya situatsiya v Prichernomor'ye v period Velikoy grecheskoy kolonizatsii. Tbilisi, 1981.
- Frolov E.D.* Predellinizm na grecheskom Zapade (k probleme odnoscheniy "polis-monarkhiya" i "elliny-varvary" // Problemy istorii, filologii, kul'tury 1996. 1.
- Frolova N., Ireland S.* The Coinage of the Bosporan Kingdom. Oxf. 2002.
- Gabelko O.L.* Esche raz o probleme protoellinizma // Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinsticheskom mire. Kazan', 2009.
- Gajdukevič V.F., Kaposchina S.I.* K voprosu o mestnykh elementakh v kul'ture antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya // SA. 1951. XV.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. B., Amsterdam, 1971.
- Garbuzov S.G., Zavoikin A.A.* Sel'skaya territoriya Tamanskogo poluostrova v period pozdnykh Spartokidov // Bosporkie issledovaniya. 2014. XXX.
- Garlan Y.* Les esclaves en Grèce ancienne. P., 1982.
- Gattinoni F.L.* Lisimaco di Tracia. Milano, 1992.
- Grousset R.* Histoire d'Asie. T. 1. P., 1921.
- Guarducci M.* Epigrafia Greca. Vol. III. Roma, 1974.
- Hatzopoulos M.B.* Une donation du roi Lysimaque // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ V. Athens, 1988.
- Heinen H.* Geschichte des Hellenismus von Alexander bis Kleopatra. München, 2003.
- Homo L.* Alexandre le Grand. P., 1950.
- Iliescu V.* Alexander der Grosse und Dromichaites // Studia in honorem Borisi Gerov. Sofia, 1990.
- Ivanova A.P.* Mestnye motivy v dekorativnoy skul'pture Bospora // SA. 1951. XV.
- Jouguet P.* L'imperialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. P., 1937.
- Kaloyanov S.* Problemy na trakiyskiya urbanizm v getskite zemi // Terra antique Balcanica III. Serdicae, 1988.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Karlsson L.* Thoughts about Fortification in Caria from Mausolos to Demetrios Poliorketes // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Karyschkovskiy P.O.* Istriya i ee sosedi na rubezhe III-II vv. Do n.e. // VDI. 1971. 2.
- Khazanov A.M., Schkurko A.I.* Vozdeystvie antichnoy kul'tury na iskusstvo i kul'turu skifo-sarmatskogo mira // Antichnost' i antichnye traditsii v kul'ture i iskusstve narodov Sovetskogo Vostoka. Moscow, 1978.
- Khrapunov I.N.* Ocherki etnicheskoy istorii Kryma v rannem zheleznom veke. Tavry, skify, sarmaty. Simpheropol, 1995.
- Knipovich T.N.* Osnovnye linii razvitiya iskusstva gorodov Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu // Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya. Moscow, Leningrad, 1955.
- Kolobova K.M.* Politicheskoe polozhenie gorodov v Bosporkom gosudarstve // VDI. 1953. 4.
- Koltukhov S.G., Yurochkin V.Ju.* Ot Skifii k Gotii. Simpheropol, 2004.
- Konecny A.* Militarisches Formengut – zivile Nutzung: die lykische Türme // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Koschelenko G.A.* Grecheskiy polis na ellinisticheskom Vostoke. Moscow, 1979.
- Koschelenko G.A.* Ellinizm: k sporam o suschnosti // Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura. Moscow, 1990.
- Kreissig H.* Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. B., 1978.
- Kreissig H.* Die Dorfgemeinde im Orient in der Hellenistischen Epoche // Les communautés rurales. Recueils de la société Jean Bodin. XLI.P., 1983.
- Kruglikova I.T.* Sel'skoe khoziaystvo Bospora. Moscow, 1975.
- Krykin S.M.* Problemy voznikoveniya gosudarstvennosti u juzhnykh fraktsiy // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2002. XII.
- Kuznetsov V.D.* Novye nadpisi iz Phanogorii // VDI. 2006. 1.
- Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. Vol. 2. P., 1949.
- Lazarov L.* O kel'tskom gosudarstve s tsentrom v Tile pri Kavare // VDI. 1996. 1.
- Lepore E.* Problemi dell'organizzazione della chora coloniale // Problemes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
- Lévêque P.* Le monde hellénistique. P., 1969.
- Lomouri N.Ju.* K istorii Pontiyskogo tsarstva. Tbilisi, 1979.
- Lomouri N.Ju.* Gruzino-rimskie vzaimootnosheniya. T. 1. Tbilisi, 1981.
- Lordkipanidze G.A.* K istorii Drevney Kolkhidy. Tbilisi, 1970.
- Lordkipanidze G.A.* Kolkhida v VI-II vv. Do n.e. Tbilisi, 1978.
- Lordkipanidze O.D.* Drevnyaya Kolkhida. Mif i arkheologiya. Tbilisi, 1979.
- Lotze D.* Μεταξύ ἐλευθέρων καὶ δούλων // Studien zur Rechtstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum IV. Jahrhundert v. Chr. B., 1959.
- Maksimova M.I.* Antichnye goroda Yougo-Vostochnogo Prichernomor'ya. Moscow, Leningrad, 1956.
- Marksteiner T.* Befestigte Siedlungen Lykiens in vorrömischer Zeit // Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale// REA 1994. 96. 1-2.
- Martin R.* Rapports entre les structures urbaines et les mondes de division et d'exploration du territoire // Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
- Maslennikov A.A.* K tipologii bosporskikh poseleniy // SA. 1989. 2.
- Maslennikov A.A.* Nekotorye problemy ranney istorii Bosporskogo gosudarstva v svete noveyschikh arkheologicheskikh issledovaniy v Vostochnom Krymu // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 1996. 3.
- Maslennikov A.A., Treister M. Yu.* A Fragment of an Attic Helmet from the Settlement at Lake Chokrak // AncCiv. 1997. Vol. 4, no. 1.
- Maslennikov A.A.* Ellinskaya khora na krayu Oykumeny. Moscow, 1998.
- Maslennikov A.A.* "Tsarskaya" khora Bospora na rubezhe V-IV vv. do n.e. // VDI. 2001. 1.
- Maslennikov A.A.* Malye i maloissledovannyye goroda antichnogo Bospora. Tula, 2004.
- Maslennikov A.A.* Krymskoe Priazov'e v antichnyuyu epokhu // Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy. Ol'viya, Skifiya, Bospor. Moscow, Kiev, Zaporozhje, 2007.
- Maslennikov A.A.* Tsarskaya khora Bospora. T. 1-3. Moscow, 2010–2015.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

- McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986.
- Melikischvili G.A.* K istorii drevnej Gruzii. Tbilisi, 1959.
- Missitzis L.* A Royal Decree of Alexander the Great on the Land of Philippi // *Ancient World*. 1985. 12. No. 1-2.
- Molev E.A.* Zapadnopontijskie goroda v antirimskikh voynakh Mitridata VI // *Terra Antiqua Balcanica II*. Sofia, 1985.
- Molev E.A.* Bospor v period ellinizma. Nizhniy Novgorod, 1994.
- Neikhardt A.A.* Rabstvo v grecheskikh gorodakh yuzhnogo poberezhya Ponta // *Rabstvo na periferii antichnogo mira*. Leningrad, 1968.
- Niese B.* Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd I- III. Gotha, 1893-1903.
- Olkhovskiy V.S., Khrapunov I.N.* Krymskaya Skifiya. Simpheropol, 1990.
- Olshausen E.* Zum Hellenisierungsprozess am pontischen Königshof // *Ancient Society*. 1974. 5.
- Panov A.R.* Rim i Bospor: protivostoyanie ili sotrudnichestvo? Nizhniy Novgorod, 2013.
- Petit P.* La civilization hellénistique. P., 1965.
- Petit P., Larond A.* Ellinisticheskaya zivilisatsiya. Moscow, 2004.
- Pimouguet I.* Les fortifications de la Pérée rhodienne // *Fortifications et defense du territoire en Asie Mineure occidentale et méridionale*// REA 1994. 96. 1-2.
- Pippidi D.* Istros et les getes au IIIe siecle av. notre ère // *SC*. 1961. 3.
- Preda C.* Monede de un tip necunoscut provenind din Dobrogea // *SCIV*. 1964. XV, 3.
- Preda C.* Monedele geto-dacilor. Bucuresti, 1973.
- Ranovich A.B.* Zavisiemye krest'yane v ellinisticheskoy Maloy Azii // *VDI*. 1947. 2.
- Ranovich A.B.* Ellinizm i ego istoricheskaya rol'. Moscow, 1950.
- Robert J. et L.* Bulletin epigraphique // *REG* 1967.
- Rozovskiy A.A.* Ponyatie ellinizm: zivilizatsionnyy podkhod (postanovka problemy) // *Metodologiya i metodika izucheniya antichnogo mira*. Moscow, 1994.
- Rostovtsev M.I.* Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii. Petrograd, 1918.
- Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922.
- Rostovtzeff M.I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I-III. Oxf., 1941.
- Roussel P.* La Grece et l'Orient des guerres médiques à la conquête romaine. P., 1928.
- Ruscu L.* Relațiile externe ale orașelor grecești de pe litoralul românesc al Mării Negre. Cluj-Napoca, 2002.
- Saprykin S. Ju.* Novye knigi o drevney Kolkhide // *SA*. 1982. 1.
- Saprykin S. Ju.* Tiraniya v pripontiyskikh gosudarstvakh // *Problemy sotsial'no-politicheskoy organizatsii i ideologii antichnogo obschestva*. Leningrad, 1984.
- Saprykin S. Ju.* Gerakleya Pontiyskaya i Khersones Tavricheskiy. Moscow, 1986.
- Saprykin S. Ju.* Mitridat Eupator i Frakiya // *Bolgarskiy ezhegodnik I*. Khar'kov, 1994.
- Saprykin S. Ju.* Nadpis' frakiyskogo tsarya iz Tiry // *Studia in honorem Georgi Michailov*. Sofia, 1995.
- Saprykin S. Ju.* Pontiyskoe tsarstvo. Moscow, 1996.
- Saprykin S. Ju.* Gorod I tsarskaya vlast' v Pontiyskom gosudarstve Mitridatidov // *Antichnyy mir. Vizantiya*. Khar'kov, 1997.
- Saprykin S. Ju., Maslennikov A.A.* Bosporan Chora in The Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors // *AncCiv*. 1996, Vol. 3, no. 1.
- Saprykin S. Ju.* Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI-I Centuries BC). Amsterdam, 1997.
- Saprykin S. Ju.* Bosporus on the Verge of the Christian Era (Outlines of Economic Development) // *TALANTA*. 2000/2001. Vol. 32/33.
- Saprykin S. Ju.* Polis Chora in the Kingdom of Bosporus // *Problemi della chora coloniale dall' occidente al Mar Nero*. Taranto, 2001.
- Saprykin S. Ju.* Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh. Moscow, 2002.
- Saprykin S. Ju.* Bosporskoe tsarstvo: ot tiranii k ellinisticheskoy monarkhii // *VDI*. 2003. 1.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Saprykin S. Ju.* Aristarkh Kolkhidskiy // Scripta Gregoriana. Moscow, 2003a.
- Saprykin S. Ju.* Chora and Polis in the Kingdom of Bosphorus in the Classical and Hellenistic Periods // Chora und Polis. München, 2004.
- Saprykin S. Ju.* The Chora in the Bosporan Kingdom // Surveying The Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective. Aarhus, 2006.
- Saprykin S. Ju.* Etudy po sotsial'noy i ekonomicheskoy istorii Bosporskogo tsarstva // Antichnaya tsivilizatsiya i varvary. Moscow, 2006.
- Saprykin S. Ju.* The Kingdom of Bosphorus at the Turn of the Common Era: Barbarian and Roman Impact // Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.). Bordeaux., 2007.
- Saprykin S. Ju.* O khronologicheskikh granitsakh ellinizma // Istoriya. Mir proshlogo v sovremennom osveschenii. Saint-Peterbourg, 2008.
- Saprykin S. Ju.* Pozdneellinisticheskii i rimskiy periody (I v. do n.e. – seredina III v. n.e.) // Antichnoe nasledie Kubani. T. 2. Moscow, 2010.
- Saprykin S. Ju.* Getodakiyskie tsarstva ellinisticheskoy epokhi // Bosporski issledovaniya. 2010a. XXIII.
- Saprykin S. Ju.* „Malye“ gosudarstva Prichernomor'ya v epokhu ellinizma i ranney Rimskoy imperii // Vsemirnaya istoriya. T. 1. Moscow, 2011.
- Saprykin S. Ju.* Traditsii rossiyskoy nauki v izuchenii antichnogo Prichernomor'ya v Sovetskuyu i postsovetskuyu epokhi // Tsivilizatsiya i varvarstvo. Paradoksy pobedy tsivilizatsii nad varvarstvom. Moscow, 2013.
- Saprykin S. Ju.* Pontiyskie tsarstva: ot ellinizatsii k ellinizmu // Tsivilizatsiya i varvarstvo. Pogranich'e kak fenomen, sostoyanie i kul'turno istoricheskoe prostranstvo. Moscow, 2015.
- Shelov-Kovediaev F.V.* Istoriya Bospora v VI-IV vv. do n.e. // Drevneyschie gosudarstva na territorii SSSR. 1984. Moscow, 1985.
- Shelov-Kovediaev F.V.* O periode „protoellinizma“ na grecheskoy periferii (na primere Bospora) // Prichernomor'ye v epokhu ellinizma. Tbilisi, 1985a.
- Schuler Ch.* Ländliche Siedlungen und Gemeinden im hellenistischen und römischen Kleinasien München, 1998.
- Sokol'skiy N.I.* O periode ellinizma v Severnom Prichernomor'ye // VDI. 1955. 4.
- Sokol'skiy N.I.* Vzaimootnoscheniya antichnykh gosudarstv i plemen Severnogo Prichernomor'ya // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. B., 1961.
- Sokol'skiy N.I., Shelov D.B.* Istoricheskaya rol' antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya // Problemy istorii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu. Moscow, 1959.
- Solomatina E.I.* Rev.: Maslennikov A.A. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'ye). T. 1: Arkhitekturno-stroitel'naya i arkheologicheskaya kharakteristika pomyatnikov). Moscow, 2010 // VDI. 2013. 1.
- Stefan A.* Études recentes d'épigraphie grecque en Roumanie // Eirene. 1982. 18.
- Suceveanu A.* Quelques reflexions autour du royaume de Burebista // AMN. 1978. 15.
- Surikov I.E.* Politiki v kontekste epokhi. Na poroge novogo mira. Moscow, 2015.
- Surikov I.E.* Predposylki stanovleniya kul'ta praviteley v doellinisticheskoy Gretsii // “Bogi sredi lyudey”: kul't praviteley v ellinisticheskoy, postellinisticheskoy i rimskom mire. Saint-Peterbourg, 2016.
- Sventsitskaya I.S.* Sotsial'no-ekonomicheskie osobennosti ellinisticheskikh gosudarstv. Moscow, 1963.
- Tarn V.* Ellinisticheskaya tsivilizatsiya. Moscow, 1949.
- Tacheva M.* Istoriya na bylgarskite zemi v drevnostta. Sofia, 1987.
- Todorov I.* Dopylnenie kym Strabon VII. 3. 11 // Terra Antiqua Balcanica III. Serdicae, 1988.
- Todorov I.* Dromikhet – edin malko izvesten getski vladetel ot nachaloto na I v. pr. n.e. // Terra Antiqua Balcanica IV. Serdicae, 1989.
- Todua T.T.* Kolkhida v sostave Pontiyskogo tsarstva. Tbilisi, 1990.
- Toutain J.* L'économie antique. P., 1928.
- Velkov V.* Alexander der Grosse und Thrakien // Festschrift G. Wirth. Amsterdam, 1978.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

- Velkov V. Kabile. Mestopolozhenie, prouchvaniya, izvori // Kabile. Tom 1. Sofia, 1982.
- Vinogradov Ju.G. Polis v Severnom Prichernomor'ye // Antichnaya Gretziya. T. 1. Moscow, 1983.
- Vinogradov Ju. G., Wörrle M. Die Söldner von Phanagoreia // Chiron. 1992. Bd 22.
- Vinogradov Ju.G. Bospor i ellinizm // III Vsesoyuznij simpozium po problemam ellinisticheskoy kul'tury na Vostoke. Erevan, 1988.
- Vinogradov Ju. A. Kurgany varvarskoj znati V v. do n.e. v rayone Bospora Kimmerijskogo (Opyt interpretatsii) // VDI. 2001. 4.
- Voronov Ju. N. Mestnoe naselenie Severo-Zapadnoy Kolkhidy v VIII – V vv. do n.e. // Demographicheskaya situatsiya v Prichernomor'ye v period Velikoy grecheskoy kolonizatsii. Tbilisi, 1981.
- Voronov Ju.N. Dioskouriada – Sebastopolis – Tskhum. Moscow, 1980.
- Vysokij M.F. Tcherty protoellinizma v Velikoj Gretsii (Sitsiliya) i Frakii // Istoriya I kul'tura drevnego mira. Moscow, 1996.
- Vysokij M.F. Elliny v Odrisskom tsarstve v V-IV vv. do n.e. // Studia historica 2003. Vyp. 3.
- Will E. Histoire politique du monde hellénistique. Vol. I-II. Nancy, 1966-1967.
- Will E., Mossé Cl., Goukowsky P. Le monde grec et l'Orient. P., 1975.
- Yakovenko E.V. Ryadovye skifskie pogrebeniya v kurganakh Kryma // Drevnosti Vostochnogo Kryma. Kiev, 1970.
- Youroukova Y. Coins of the Ancient Thracians. Oxf., 1976.
- Zavoikin A.A. "Bosporkij fenomen" ili pseudo-ellinizm na Bospore // Drevnosti Bospora. 2001. T. 4.
- Zavoikin A.A. Bosporskaya monarkhiya: ot polisnoj tiranii k territorial'noj derzhave // Antichnyy mir I varvary na juge Rossii i Ukrainy. Olviya, Skifiya, Bospor. Moscow, Kiev, Zaporozhje, 2007.
- Zavoikin A.A. Ellinizm i Bospor // Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko- ellinisticheskom mire. Kazan', 2009.
- Zavoikin A.A. Obrazovanie bosporkogo gosudarstva. Arkheologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov. Simpheropol', Kerch, 2013.
- Zavoikin A.A. Bosporskie greki i „aziatskie varvary“ v period arkhaiki – rannego ellinizma // Scripta antiqua III. Moscow, 2013a.
- Zavoikina N.V. Bosporkie phiasy: mezhdru polisom I monarkhiey. Moscow, 2013.
- Zawadzki T. Quelques remarques sur l'étendue et l'accroissement des domaines des grands temples en Asie Mineure // EOS.1952/1953. Vol. 46. Fasc. 1.
- Zel'in K.K. Nekotorye osnovnye problemy istorii ellinizma // SA. 1955. XXII.
- Zel'in K.K. Osnovnye cherty ellinizma// VDI. 1955a. 4.
- Zhebelev S.A. Severnoe Prichernomor'ye. Moscow, Leningrad, 1953.
- Zhuravlev D.V., Mokrousov S.V., Saprykin S.Ju. Epokha pozdnej atichnosti // Antichnoe nasledie Kubani. T. 2. Moscow, 2010.
- Zlatkovskaya T.D. Vozniknovenie gosudarstva u frakiytsev. Moscow, 1971.
- Zubar' V.M., Zin'ko V.N. Bospor Kimmeriyskiy v antichnuyu epokhu // Bosporkie issledovaniya. 2006. XII.
- Zubar' V.N, Son N.A. Severo-Zapadnoe Prichernomor'ye v antichnuyu epokhu. Simpheropol, 2007.

Резюме

Статья посвящена проблеме эллинизма в древнем Причерноморье на примере трех регионов – Северного Причерноморья, преимущественно Боспорского государства, Западного Причерноморья, где существовало Фракийское государство, и Колхиды в Восточном Причерноморье. В статье делается вывод, что эллинизм как конкретное историческое явление, которое развивалось на основе социально-экономических отношений, пустил глубокие корни на Боспоре, поскольку там сформировались все признаки, характерные для этого исторического этапа развития государственности. Если до Митридата Евпатора Боспор представлял собой полисную структуру, где сложился тиранический режим Спартокидов, то после вхождения этого государства в состав державы Митридата Евпатора эллинистические отношения стали активно развиваться. Поэтому Боспорское государство как эллинистическое образование просуществовало со времени Митридата VI до середины III в. н.э. Его развитию там содействовала римская политика в Причерноморье, направленная на усиление его экономического и военного потенциала. Во Фракии и Колхиде, напротив, эллинистическая государственность в целом не сложилась по причине сильных пережитков племенного деления и раздробленности на самостоятельные племенные союзы. Во Фракии римская власть пыталась содействовать развитию эллинизма, однако пережитки племенного деления и сохранение соседских общин препятствовали становлению эллинистических отношений и государственности.

Ключевые слова: Боспор, Спартокиды, эллинизм, протоэллинизм, эллинизация, варваризация, Фракия, Колхида, Митридат Евпатор, Понтийское царство, геты, одрисы, колхи.

Summary

The article is devoted to the problem of Hellenism in the ancient Black Sea Littoral, particularly in its three local regions – the North Black Sea Coast (the Kingdom of Bosphorus), the West Black Sea Coast (Thrace) and Colchis on the East Black Sea Coast. The main conclusion is as follows: Hellenism as concrete historical phenomenon was developing on the base of social and economic relations. It was deeply growing at Bosphorus where one can find all signs characteristic for the particular etape of Hellenistic statehood. Before Mithridates Eupator Bosphorus was a kind of polis state with tyranic power of the Spartocids, but since it became a part of the Panpontic state of Mithridates VI the social, economic, political and cultural relations took an active start in developing like in Hellenistic kingdoms of Asia Minor and Near East some centuries earlier. Hellenistic features at Bosphorus, due to the social-economic structure in the ancestral kingdom of Mithridates VI, endured until the middle of the 3rd century AD. The development of Hellenism at Bosphorus was promoted by the Romans, who were greatly interested in the growth of its economic and military power in order to make it as a barrier against the barbarians. Unlike Bosphorus Hellenism in Thrace and Colchis was weak and really unaccomplished because of strong survivals of tribal division, different independent tribal unions, separatism and disunity of territories. The Romans at some point were promoting the moulding of Hellenism in Thrace, but the tribal subdivision, paradyndasty and conservation of peasant communities hindered the creation of Hellenistic relations and statehood of Hellenistic type.

Keywords: Bosphorus, the Spartocids, Hellenism, protohellenism, Hellenization, barbarization, Thrace, Colchis, Mithridates Eupator, the Pontic kingdom, Getae, Odryssi, Colchians.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапрыкин Сергей Юрьевич, д.и.н., профессор,
заведующий кафедрой истории древнего мира
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН.
8 (495) 939 06 07
mithridates@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Saprykin Sergey Jurievich, professor,
Head of the Department of Ancient History
in the Moscow State University,
Leading Scientific Researcher, Institute of
World History, Russian Academy of Sciences.
8 (495) 939 06 07
mithridates@mail.ru